

Евгений СТЕПАНОВ

ЛЮ

ПОВЕСТИ

МОСКВА
Издательство «Вест-Консалтинг»
2006

Евгений Степанов

Лю: Повести. — М.: Вест-Консалтинг, 2006. — 160 с.

Известный московский писатель и журналист Евгений Степанов — автор многочисленных книг, в том числе «Личная жизнь звезд» (1990), «Неизвестное про известных» (2002), «Ира, белая герла» (2006), которые разошлись многотысячным тиражом.

Евгений Степанов — лауреат международной премии имени Давида Бурлюка за 2003 год.

ISBN 5—239—01107—3

© Евгений Степанов, повести, 2006

© Евгений Баранов, макет обложки/

Вест-Консалтинг, 2006

© Оригинал-макет/ Вест-Консалтинг, 2006

**ЖЕРТВА
ПАЛИНДРОМА
(Почти дневник)**

ЖЕРТВА ПАЛИНДРОМА (Почти дневник)

Палиндром — это текст, который читается одинаково слева направо и справа налево. *Я иду с мечом судия. На в лоб, болван.* И т.д. Я начал сочинять палиндромы очень давно — еще в школе. В годы застоя я, женатый, солидный студент пятого курса математического факультета университета, из-за любви к палиндрому получил много новых (весьма острых) ощущений.

* * *

Родители моей жены — врачи. И друзья их друзей — врачи. В том числе и психиатры. В общем, как-то раз я прочитал им у нас дома (а мы с женой жили с ее родителями) свои перевертени. И один из гостей — добрейший доктор Халед Мафусаилович — заподозрил неладное. И даже пригласил меня к себе на прием.

— Приходи, Миша, ко мне в диспансер, поболтаем. И обязательно тетрадочку со стихами с собой захвати, — сказал он мне.

А мне всегда хотелось пообщаться с психиатрами. И буквально на следующий день я пришел в кабинет к Халеду Мафусаиловичу.

Вскоре мы стали общаться часто. Я читал доктору свои стихи (в том числе и самые традиционные), рассказывал ему о своей жизни. Лучшего собеседника у меня в жизни не было. Я жаловался — а меня слушали и жалели. Что может быть приятнее?! Я рассказывал доктору о том, что меня по недоразумению исключили из комсомола, что болит сердце (хотя кардиограмма в порядке), что мои стихи сволочи-редакторы не печатают, что слышу голос умершего недавно деда, которого очень любил, что хочу детей, но анализы спермограммы у меня не оптимистичные. И т.д. Наше дружеское общение длилось год. Потом оно мне надоело. Я заканчивал универ, готовил себя к

стезе сельского учителя, мне обещали директорскую должность. В армию я не собирался. Сельским учителям в те милые, застойные, годы давали «бронь».

* * *

...Университет был позади. Я получил направление работать учителем математики (не директором) в одну из близлежащих (рядом с моим родимым райцентром) школ. И начал работать.

Потом вдруг пришла повестка в военкомат. Почему-то «школьная» бронь поставилась нашим военкомом под сомнение. Но оказалась, что он знает о моей, как он изящно выразился, «сложной психике». И как-то подозрительно по-доброму посоветовал:

— Ты все-таки лежи в областной больнице на обследовании. Всем будет спокойнее. Мы будем точно знать: можно тебя посылать в армию или нет, ты разберешься сам с собой, подлечишься.

* * *

Я собрал свои нехитрые пожитки, простился с Мариной (любимой женой), Элеонорой Петровной (еще более любимой тещей) и поехал на рейсовом автобусе в областной центр, в «дурдом», надеясь как можно быстрее закрыть эту печальную страницу своей биографии.

* * *

Регистратура «дурдома» выглядела чинно и пристойно. Вежливые тетеньки торчали в окошечке. Белые стены не раздражали. Я записал в карточке свои паспортные данные, сдал верхнюю одежду и кейс. И хотел было уже идти в саму больницу, как вдруг услышал какое-то дикое гоготанье — смеялась группа юношей лет семнадцати-восемнадцати... Смеялись, как я понял, над анекдотом. Эти ребята тоже приехали на обследование. Они мне показались очень странными и, мягко говоря, неадекватными.

— Боже мой, — подумал я, — с такими кретинами мне придется находиться в «дурдоме». Неприятно...

Но я решил прежде времени не расстраиваться.

Медсестра повела меня в отделение.

* * *

Когда я вошел в «дурку», то глазам своим бедным не поверил. По коридору ходили самые невероятные, самые настоящие сумасшедшие, отнюдь не призывного возраста. Бешеные глаза. Дефектные черепа. Все стрижены очень коротко, почти наголо. И — одинаковые серые (арестантские?) халаты. У меня подкосились ноги. Это не преувеличение и не метафора. Я понял, что угодил в отделение, где содержались лица, как в свое время говорил мой районный лечащий врач, «без критики». Это было отделение номер десять. Я слышал о нем, что — не дай Бог туда угодить.

* * *

Я стоял в коридоре и не знал, что делать. Стучать кулаками? Кричать — отпустите меня назад, я абсолютно здоровый мужик, мама, роди меня обратно? Я был неподвижен, как столб. В моем сердце воцарился ужас.

Вывел меня из этого невеселого состояния один человек. Совсем мальчишка. У него, как ни странно, были нормальные человеческие глаза.

— Как тебя зовут? — спросил он. — Как ты здесь оказался?

И, не дождавшись моего ответа, добавил тихо и как-то равнодушно, точно констатировал факт:

— Поверь мне, ты здесь сойдешь с ума! Ведь придется спать в палатах, где все мочатся под себя, блюют, дерутся... Видишь, какие мы тут.

Затем он отвернулся. И стал, как прежде, мило разговаривать с нянечкой.

Она пожурила мальчика:

— Ты чего новенького пугаешь, бесстыдник? Не надо!

И ласково-ласково, точно сирена, обратилась ко мне:
— Тебя как зовут?
— Михаилом, — солидно сказал я. (Мол, не какой-нибудь идиот.)
— Мишенька, значит. Ты, Мишенька, ничего не бойся. Все будет хорошо. Ребята у нас сейчас хорошие, не буйные. Только Васенька и Петенька, разве. Да и то, если их не трогать, они и не бросаются ни на кого.

Она явно хотела меня успокоить. Огромное ей спасибо. Это были первые слова сочувствия, которые я услышал в больнице.

* * *

Няечка попросила одного пациента принести мне стул. Тот принес молниеносно, точно по военному приказу.

Я сел в угол. И начал смотреть по сторонам.

Большинство пациентов ходило взад-вперед по длинному коридору.

Один из них постоянно подбегал к бачку с водой, который стоял в «моем» углу, и нервно, судорожно, частыми-частыми глотками пил. Руки у него дрожали, можно сказать — ходили ходуном.

Другой — иступленно молился. Третий — философ! — громко размышлял (не очень интересно, по-моему) о смысле жизни. Он не обращался ни к кому конкретно. Ему вполне хватало самого себя.

Я сидел в углу и смотрел. Порою мне казалось, что я вижу какой-то странный сон. Точно Оле Лукоие раскрыл надо мной свой самый черный зонт. Финала этого сна не предвиделось. Проснуться я не мог. Однако надо было жить. Жить. И я, как мог, подбадривал себя.

— Человек живет везде! — внушал я сам себе. Бывают и более скверные ситуации.

Я стал ходить по коридору. Как все остальные. Туда-сюда. Туда-сюда. Увидел врача. Попросил у него, так сказать, аудиенции. Врач впустил меня к себе в кабинет.

Спросил, как меня зовут? И, по-моему, даже не выслушал ответа. Измерил мое давление, которое, как выяснилось, здорово подскочило. Измерил объем груди (зачем?), расспросил о причине моего появления в психушке. И... выпроводил назад в коридор. Несмотря на то, что я чуть ли не слезно попросил его разрешить мне посидеть хоть немного в кабинете. Но — увы и ах. Не положено. Кстати, забавно: как потом выяснилось, работал он в больнице фельдшером.

Я стал опять ходить по коридору. Туда-сюда. Туда-сюда. И увидел в толпе безумцев... знакомые лица. В регистратуре больницы эти ребята мне показались неадекватными, а здесь же, в отделении, они были лучиками света в безумном царстве. «Лучики» тоже пребывали в шоке. Мы разговорились. И пришли к выводу, что для того, чтобы нам здесь элементарно выжить, — нужно держаться сообща. Ходить вместе, есть вместе (если здесь вообще кормят?), спать вместе, загородив местечко в конце коридора стульями. Спать на койках в палатах никому из нас не захотелось.

* * *

Один мой новый товарищ предложил устроить побег. Мы его не поддержали.

Я стал опять ходить взад-вперед. И увидел в конце коридора два замечательных уютненьких креслица, изящно прикрытых больничными пышными фикусами. Я понял, что это мое спасение. Усевшись в кресло, я вздохнул с облегчением. И... даже начал читать. Я взял с собой томик лирических стихов русской поэзии за три века. Почитать, конечно, не удалось. Я поймал себя на мысли, что смотрю в книгу, а вижу фигу.

Я все еще не мог выйти из шокового состояния. Увидев, как я устроился, ко мне стали подходить мои товарищи по несчастью. И мы принялись обсуждать, как нам жить дальше?

Начался обед.

Один из призывников, самый шумный и беспокойный, пригласил меня сесть за стол рядом с ним. Видимо, я чем-то приглянулся этому без пяти минут пахану.

Я не отказался. Мы «забронировали» себе отдельный столик. И стали ждать, точно в ресторане, когда подадут еду. И дождались. Пища пахла ничем не лучше, чем пахнут привокзальные туалеты. Есть я отказался. Сказал всем, что просто пока не голоден. Всем же другим порекомендовал обязательно подкрепиться, что ребята и сделали.

После «обеда» я заприметил еще одного врача. Попросил аудиенции и у него. Он пригласил к себе в кабинет. Мы поговорили как нормальные люди. Мне даже показалось, что он меня за дурачка не принял. Он вежливо отвечал на все мои вопросы. Сказал, что скоро нас начнут обследовать, что больше месяца точно не продержат (тут я чуть не заплакал), что все будет в порядке. Расспросил меня об истории болезни, о родителях, о работе. И — вывел меня назад в коридор. Находиться в кабинете не разрешил и он. Нельзя.

Впрочем, я уже не так и страдал. Ведь у меня был свой фокус и место в конце коридора. Своя железная амбразура.

* * *

Ко мне подсел какой-то молодой парень, тоже новичок. Из команды призывников. Но чем-то явно от них отличающийся. Некоей интеллигентностью, что ли. Она всегда, извините, на лице написана. Парень был напуган даже больше меня и явно хотел со мной подружиться. Он пролепетал:

— Нам нужно держаться с тобой вместе. Мне так страшно, так страшно. Я ведь по глупости сюда попал. Тетка, дура, уpekла меня сюда. Я рисанулcя, она меня сюда и затолкала. Веришь?

Он не дал мне ответить и продолжал:

— Так из-за своего характера я оказался в «дурдоме».

Тут он умолк.
Глаза его отражали неподдельный испуг.
Он расспрашивал меня о психушке — точно старожил.
Таким я ему, выходит, показался.

* * *

Поговорил еще с двумя призывниками, которые здесь находились уже несколько дней. (Кстати, сразу после нашей беседы их выписали.) Я успел их о многом расспросить. И был более или менее в курсе больничных дел. Оказалось, мы в самом деле очутились в отделении для буйных.

— Гулять здесь не выпускают, — рассказали бывалые призывники. — Спать в палате невозможно. Там вши, тараканы, крысы и другие домашние животные. Домой никого не отпустят раньше чем через пять дней, даже если ты здоровей быка.

Пять дней — не месяц. Мне стало полегче.

* * *

Парень, которого тетка уpekла в «дурдом» «из-за его характера», разоткровенничался:

— Когда я тебя здесь впервые увидел, то чуть в обморок от страху не упал. Ты меня напугал больше всех. Я был уверен, что ты — конченый дурдаш. Твой взгляд мне показался сумасшедшим. Да и борода у тебя, усы...

Я усмехнулся. Зачем он все это рассказывал? Наверное, он всегда говорил то, что думал. Несчастный...

Слава Богу, вскоре он умолк. Я обрадовался. Наконец-то у меня появилась возможность собраться с мыслями. Но не тут-то было. То ли мыслей не оказалось, то ли просто здесь было очень беспокойно.

* * *

Ко мне подошел один из завсегдатаев «дурдома». Представился:

— Панов.

И выразил желание со мной пообщаться. Оказалось, что меня ему нахваливал Семен Моисеевич (врач, который сказал, что здесь призывников держат до месяца).

Не начав беседы, Панов попросил разрешения перенести разговор на завтра:

— Не могли бы Вы завтра пополудни мне уделить некоторое время? Я бы хотел описать Вам свою Одиссею.

Можно было подумать, что сегодня у него заседания в горкоме или даже в обкоме КПСС. Так он был занят.

В любом случае, он поразил меня своей учтивостью и вереречивостью. Панов отошел. Я остался в своем кресле. Сидеть скоро надоело. Я опять начал ходить взад-вперед.

* * *

В коридоре ко мне обратился некий алкоголик Вова. И сразу начал выкладывать мне свою немудреную историю:

— Жил хорошо, но пил по-черному. Допился до ручкотрясения, голоса стали являться, нервный тик появился... В общем, полтора месяца я уже здесь кувыркаюсь. Не выпускают, сволочи. И водки не дают. Представляешь?

Затем Вова взял жестяную общую кружку, зачерпнул из питьевого бачка какой-то мутноватой водицы и начал лихорадочно пить.

* * *

На ужин я не пошел. Сидел в своей зафикусной резиденции. И трепался с напуганным парнем. Наконец мы догадались познакомиться.

— Михаил.

— Владик.

Владик говорил без остановки. В общем, это даже было хорошо, что он оказался непомерно словоохотливым. Это отвлекало... Во всяком случае, мне уже нравилось его слушать и даже болтать с ним. Когда мы с ним трепались, я отдыхал от общения с другими милыми

обитателями «дурдома», писания дневника (который сейчас — несколько подредактированный! — перед вами), от заучивания наизусть стихов (это мое хобби).

* * *

Подошел Панов. Сказал, что имя его — Борис. И отошел. Потом опять подошел. Как челночок — есть такой термин в боксе. Из всего сказанного Борисом я почерпнул несколько любопытных фактов. Например, один. Оказывается, Семен Семенович Добров, известный областной поэт, семь лет сидел в тюрьме, рубил лес в Калининской области.

Удивительно: Семен Семенович — на вид тишайший, мирный дедушка. Хороши некоторые сентенции Панова. Цитирую. «Кто не жил в сумасшедшем доме, не сидел в тюрьме и не скитался нищим, тот не знает, что такое жизнь».

Что ж, похоже, это правда. Но не дай Бог, мне узнать про эту жизнь ВСЕ. «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси!»

* * *

Борис проявил обо мне заботу. Ночью предложил спать в их палате. Палате номер один.

— Мое место возле окна — Ваше! — сказал этот добрый человек.

Я отказался. Но в любом случае — спасибо Борису. Он остался и в «дурдоме» человеком.

* * *

По отделению пронеслась информация обо мне. Все узнали, что я с высшим образованием. Математик. В глазах пациентов я начал читать некое уважение ко мне. Панов также узнал от Семена Моисеевича, что я много пишу и даже печатаюсь. Как журналист и стихотворец.

Сказал мне:

— Из Вас выйдет настоящий писатель. У Вас взгляд талантливый. И жизнь нелегкая.

Я поблагодарил его за добрые слова.

* * *

Первый день в «дурдоме» остался за плечами. Самое трудное, по моим представлениям, ожидало меня впереди. Ночь. В отделении отбой — в девять часов. Где же спать? Я попытался уговорить санитаров разрешить мне провести ночь в «моем» кресле. За фикусом. Сильно просил. Санитары не разрешили. А вот нянечки — воистину святые женщины! — принесли мне в порядке невероятного исключения топчан из комнаты свиданий, поставили два стула под голову и ноги, выдали белье (его выдали всем, не только мне) и пожелали мне спокойного сна.

Таким образом я получил шикарное койко-место в общем коридоре, которое тогда мне показалось райским уголком.

* * *

Перед сном нас построили. И новичков, и ветеранов. Пересчитали. Вручили какие-то таблетки, которые — «мы в унитаэ, кто не дурак».

Объявили отбой. Свет остался включенным.

Я пытался заснуть, но не мог. По коридору, точно так же как днем, ходили чуды-юды в своих серых халатах.

В разных концах коридора начались игры в карты. Милые ребятишки бросали карты на стол так, как будто играли в домино. Треск и шум стоял страшный.

Я понял: день в «дурдоме» смешивается с ночью, прошлое с настоящим, явь со сном (бессонницей), жизнь со смертью, ум с безумием. Словом, все как на воле. Только в гипертрофированной форме.

* * *

Подошел Панов, прочитал стихи (странно: я не понял — чьи). Пожелал спокойной ночи и откланялся:

— До завтрашнего утра, мой милорд, побеседуем, если Вы позволите, утром!

Он ушел, а я еще читал свою любимую книгу стихов. Этот сборник «Лирика» (антология русской поэзии за три века) всегда со мной. Где он только не бывал! А теперь вот попал и в «дурдом».

Я все пытался заснуть, но, увы, тщетно.

* * *

Подбежал молоденький мальчишка. Тот самый, который пугал меня, когда я только оказался в больнице.

Познакомились. Он тоже начал рассказывать о своей судьбе, о жизни в больнице. Звали его Кириллом.

— Я здесь восемь дней. Поначалу было жутко, а потом ничего — привык. Живу. Ты не дурак, что на топчане в коридоре остался ночевать. Правильный поступок. В палатах всякое может приключиться. Вчера, например, у одного из нашей палаты припадок случился. Он выбежал в коридор, высадил головой оконное стекло, начал что-то кричать... Хорошо — санитары не спали, быстро его успокоили. Сейчас он дрыхнет, связанный ремнями.

Потом парень культурно пожелал мне спокойной ночи. И удалился.

Спать мне расхотелось окончательно. Но я сделал очередную попытку и... как ни странно, провалился в туманное, почти бесчувственное забытие.

Проснулся. Подумал, что уже часа три ночи. Оказалось — понял из разговора нянечек — только час. Даже утро еще не наступило. Пожилая сердобольная санитарка (старшая!) предложила мне слабенького снотворного. Я его, не раздумывая, выпил и проспал, как убитый, до шести утра. Как раз до подъема.

* * *

Собрав свою постель и положив ее в указанный нянечкой специальный ящик, я спрятался за фикус. И продолжил писать свой дневник, который я всегда пишу по фотографическому признаку — что есть, то и есть.

* * *

Из второй палаты вынесли несчастного, скорченного и тощего мальчика-инвалида. Ему нужно было сдавать анализ мочи. По команде санитарки двое дурдашей сняли с него штаны, и тот прямо в коридоре помочился в банку.

Мочиться самостоятельно этот бедняга не мог.

* * *

Я продолжил заполнять дневник. И так, первые — «милые»! — сутки я продержался. Предстоял новый день. Вот его-то я и хотел использовать на полную катушку. Где и когда еще я имел такую возможность — и необходимость! — читать и писать с утра до ночи?!

* * *

Я начал вспоминать, что было еще интересного вчера? И вспомнил такой эпизод. Вечером я заметил в нашем коридоре молодого человека, на удивленье хорошо одетого. Даже, можно сказать, модника. Утром я его не видел. Он беседовал с санитаром. Я подумал, что он доктор, на худой конец — тоже санитар. Я подошел к нему. Извинился. И жалобно так попросил у него разрешения спать на кресле в коридоре.

Модный парень рассмеялся.

Он тоже оказался пациентом. Только с огромным стажем. Три года вообще не выходил из психушки. Сейчас получил право на краткие свидания на воле. А всего в «дурдоме» к тому времени он «отмахал» уже восемь лет.

Он совершил преступление (какое — я не стал спрашивать). Суд признал, что совершил он его в невменяемом состоянии.

* * *

В семь часов, после того как я немного посочинял грустные, трагические стихи, я решил передохнуть.

Ходил по обыкновению взад-вперед.

Увидел заведующую отделением. Она меня пригласила к себе в кабинет. Разговор начался с ее обидного, но резонного вопроса:

— Почему в армию не хотите?

Я ответил, что, мол, наоборот — хочу! Лишь бы отсюда поскорее убраться!

Она не поверила. Потом она стала спрашивать, что у меня болит. Я ответил, что у меня все в порядке. Только, мол, сплю плохо, мучает иногда бессонница, нервничаю из-за пустяков, сердце болит, а кардиограмма хорошая... Нервы, видимо, не в порядке.

Она хмыкнула. И сказала:

— Ну ладно, идите, скоро начнем вас всех обследовать.

* * *

Заведующая не обманула — обследования потихоньку начались. Врачи стали проявлять к нам, призывникам, хоть какой-то интерес.

Мне сделали ЭКГ. Она, как всегда, оказалась нормальной. Это радовало. Значит, сердце работает хорошо. Но оно же действительно у меня постоянно болит. Неужто меня и в самом деле мучает невроз? Невроз сердца? Конечно, я бы очень хотел, чтобы меня комиссовали по сердцу. Но добиться этого — казалось просто нереальным. Я даже не знал — как?

* * *

Позвонить домой не разрешили. А то я хотел через знакомого областного поэта и журналиста Сергея Рогова дать весточку о себе. И о том, что мне здесь, в больнице, было необходимо.

А необходимо мне было следующее: мыло в мыльнице, большая тряпка из марли (чтобы использовать в качестве полотенца, настоящее полотенце жалко!), много витаминной еды, дабы поддерживать организм — виноград, орехи, курага, бутерброды с сыром, а также — как роскошь! — две бутылочки лимонаду (одну бутылочку попросил Владик, про которого никто из домашних даже не знал, где он находился).

Я также нуждался в томе Вересаева (моего любимого писателя) и в новой толстой тетради для записей.

Еще я хотел сообщить своим родным, что ходить ко мне нужно каждый день, но по очереди. Сначала, например, жена, потом теца. Вместе не нужно. Так им было бы тяжело. Пожалел...

Почему я хотел просить именно о каждодневных визитах? Все очень просто. Те, к кому приходили родные, имели право сидеть хоть до трех дня в замечательной, тихой и спокойной комнате свиданий.

Увы — звонить нам, сумасшедшим, не положено.

* * *

Забавное дело — тетка Владика, которая его, якобы, упекла в «дурдом», оказалась не его родной тетей (как я подумал), а врачом областной комиссии. Владик просто ее так называл — тетка...

Он что-то этой врачихе сказал невежливое, она его и отправила в «дурдом». Мораль: будь вежлив! Это полезно и не обременительно.

* * *

Я опять отказался употреблять местную бурду. Отказался и Владик. И вот мы с ним уже вторые сутки ничего не едим, держим, так сказать, необъявленную голодовку.

Завтрак — а мы даже не встали с кресел. И ничего — от истощения пока не умерли. К тому же Кирилл угостил меня двумя яблоками. Одно я, разумеется, отдал товарищу, который напоминал голодного льва.

Мне же, как ни странно, есть особенно не хотелось. И чувствовал я себя далеко не худшим образом. Только голова стала немножко болеть и давление подскочило. 140/80. Раньше такого со мной не случалось.

* * *

Разговорились с Кириллом. Его фамилия (по отчиму) Манишвили. Сам он русский. Оказалось, что он в психушке по блату. Бывает и такое. Дело в том, что на этом хрупком, юном шестнадцатилетнем мальчике — две уголовные статьи. Я попросил Кирилла рассказать поподробнее, как так получилось?

Он согласился.

— Мы, трое одноклассников, в тот день изрядно подвыпили. Ну и решили продлить удовольствие... Девчонку «поднять». Зашли в общагу музыкального училища, в одну комнату. Там какой-то парень с пятнадцатилетней девчонкой трахались. Мои друзья оттолкнули паренька. И стали насиловать девчонку. Сделали свое дело. Сидели, балдели. Вдруг кавалер этой девочки спохватился (несколько поздноват!) и огрел стулом одного из моих «корешков». Тогда я этим же стулом огрел парня. Потом появились — откуда ни возьмись! — дружинники. Повязали нас. Всем повесили статьи. И мне в том числе. Избиение, изнасилование... А я-то лично в чем виноват? Ведь я только в отместку ударил того парня. Только товарища защищал... И малолетку ту вовсе не трахал...

До конца Кирилл свою историю не дорассказал, но здесь мне и так все было ясно. Его родители, чтобы избежать суда над мальчиком, спрятали его в «дурдоме». Доказали, что у парня расшатанная, нервная психика.

* * *

Кирилл очень удивился, узнав, что я не только внештатный корреспондент своей «районки», но и много печатаюсь в областной молодежной газете «За коммунизм».

Он и сам раньше публиковался в этом боевом пропагандистском листке. Как фотограф. Даже премии какие-то получал. А теперь ему предстояло не фотографией заниматься, а сидеть в «дурдоме», как минимум, полгода — пока суд не закончится.

Но Кирилл держался молодцом. Не хныкал. И надеялся на лучшее.

А вообще, фантастическая штука — судьба человеческая. Человек сделал одну ошибку — и полетело все в тартарары.

Этот мальчик побывал уже и в восемнадцатом отделении, где находились уголовники.

Кирилл рассказывал про это отделение со вкусом. Без этого Кирилл был бы не Кирилл. Впрочем, почти все, о чем он рассказывал, действительно не веселило.

Про восемнадцатое отделение:

— Там только одна комната. Врачей практически не бывает. Только санитары, которые в комнату поодиночке не входят — во избежание непредвиденных случаев. Пищи там не дают. Вернее, дают, но весьма своеобразно. Выставляют большой жбан с баландой и бросают несколько ложек на стол. Кто схватил ложку — тому повезло, тот поел из общего котла. Кто не схватил — остался голодным.

Бывало, что в отделении умирали от голода. Случалось людоедство... В наше окошко иногда видно: из восемнадцатого отделения выносят большие рулоны бумаги. Это не бумага, это трупы, завернутые в бумагу.

Мужеложство там развито повсеместно. Сильнее, чем в тюрьме, хотя в тюрьме я не сидел. И точно сравнивать не взялся бы.

* * *

Чтобы как-то умерить мрачный повествовательный пыл моего юного друга, я попытался перевести разговор на другую тему. Заговорили о женщинах. Кирилл тут же нашел что сообщить про... женское отделение:

— У баб еще хуже. Замечал — по ночам штукатурка сыплется? Это потому что они над нами срока мотают. Мужиков туда не пускают — мужиков «психички» насилуют.

Я улыбнулся. Но потом вспомнил, что об этом же мне рассказывал и наш санитар Володя.

* * *

Из призывников к нам с Владиком часто приходил поговорить мой райцентровский земляк Алексей, которого здесь все называли Ваней. Сев на пол (именно на пол) своим неимоверно толстым задом, он пыхтел, как паровоз, и порою (если просили) рассказывал о себе.

Ваня выглядел, конечно, очень болезненно, но рассуждал, как ни странно, весьма правильно.

Хотел, например, быть отцом маленькой дочки. «Я бы ее так любил, так любил! Воспитывал бы...»

Говорил, что труд на фабрике — это его вклад в дело обороны страны. Народ и партия едины. Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи. Экономика должна быть экономной. И т.д.

Закончил он семь классов вспомогательной школы. Дальше учиться не захотел. Пришел к директору и — цитирую — выпалил:

— Ухожу от вас в пизду, дайте справку о семилетнем образовании...

— Так и сказал — в пизду? — любопытствовал насмешливый Владик.

— Так и сказал, а чего с ним цацкаться, с директором-то.

Девушке восемнадцатилетнего Вани недавно исполнилось двадцать пять лет. Она была замужем. Развелась. У нее — ребенок. Мечта Вани — на ней жениться. Он даже сватался. Но ее родители оказались против. Как Ване объяснили — по причине его молодости. Между тем невеста уже забеременела и от него.

Ваня:

— Как я ее люблю, как люблю — до страсти! Но выйду

из больницы — дам ей все же пизды, а то врачу, кажется, что-то про меня, падла, плохое наплела.

— Да уж не бей! Зачем? — пролепетал я.

— Ладно, может, и не буду! — неуверенно согласился Ваня.

* * *

Любил Ваня рассказывать и о своих домочадцах.

— Отец-то у меня хороший мужик был, но пил много. И свихнулся. Ему укол — и на тот свет.

— ?

— Теперь мы с матерью и отчимом живем. Вернее — жили с отчимом. Он тоже пил, я его за это пиздил. Сейчас он в ЛТП. На Оранжевом (это в нашем райцентре) проспекте. Есть у меня и сестра.

— В обычной школе учиться?

— В обычной.

Закончилась эта беседа его грустным, но очень патристичным вздохом:

— Эх, поскорее бы в цех! Как там сейчас?

* * *

Регулярно подбегал любопытный Панов. Биографию свою — Одиссею — не рассказывал, хотя постоянно обещал. Сейчас сообщил, что отныне всегда будет ходить в областную библиотеку, дабы прочитать мои произведения, опубликованные в нашей «районке». Рассказал также, что планирует снимать фильм как режиссер-любитель. Камеру, якобы, уже приобрел. Фильм — по рассказам Чехова.

— Тебе тоже роль подберу! — произнес он торжественно.

Он так же захотел оказать мне меценатскую поддержку в издании моих стихотворных книжек.

* * *

Панов отошел, потом опять пришел. Уже с каким-то местным хлопцем, на вид очень спокойным.

Видимо, он — тоже будущий артист...

Оказалось, это не артист. А местный Кулибин.

Он показал мне какую-то диковинную схему:

— Вот смотри, хочу сам телевизор сделать...

Борис, как всегда, вмешался:

— Схема хорошая. Но ее надо немного усовершенствовать. Я тебе потом подскажу — как!

Борис опять отошел.

Неожиданно у него возникла какая-то перебранка с очень мрачным, узколобым больным. Тому не понравилось, что Боря ночью вслух читал стихи. Пациент накинулся на бедного Панова, как тигр на ягненка (правда, хорошее, свежее сравнение)...

Панов молниеносно сориентировался — даром, что ли, жил в «дурке» годами — поставил между собой и агрессором стул. И защитил себя, как герой.

Низколобый пациент кричал печальные фразы:

— Чего ты подкальываешь, чего? Чего ты хочешь?

Боря отвечал по обыкновению гениально:

— Я хочу, чтобы штык приравняли к перу...

* * *

Смешно, конечно, было жить в больнице. Но стало очень смешно, когда я осознал, что начал путаться во днях. Сколько я к тому времени находился в «дурдоме»? Спросить у ребят — я стеснялся. Боялся, что сочтут за идиота. И все же? Сколько? Мне казалось, что я пребывал на «обследовании» целую вечность, что я даже родился в больнице.

— Неужели вся прошлая жизнь мне приснилась? — мелькнуло как-то раз в башке тревожное сомнение.

Даже в своем дневнике я начинал путаться во временах — писал то в настоящем, то в прошедшем времени. Зав. отделом писем нашей районной газеты, куда я писал заметки, меня бы за это не похвалил.

* * *

Лидера призывников — мы его за цвет волос прозвали Белым! — сегодня связали за буйство и сделали ему укол.

Он присмирел. Подошел к нам. Разговорились.

Он тоже, закончив восемь классов, пришел к директору с просьбой отпустить его на все четыре стороны.

Стал чернорабочим. Его мечта — трудиться директором киносети, на худой конец — заместителем директора. Для этого, он решил, ему необходимо поступить на курсы киномехаников.

Мне показалось, что он спутал учебные заведения.

* * *

Начал чувствовать себя в «дурдоме» вполне нормально. Постепенно вошел в ритм местной жизни. В больнице оказалось даже забавно. Я часто смеялся, может быть, даже очень часто. Во всяком случае намного чаще, чем дома.

Есть почти не хотелось. А вот голова немного кружилась. От голода и нервного перенапряжения, наверное.

* * *

Наконец-то свершилось — все дождалось моего и Владикова отступничества от идеи. Мы оказались жалкими и прирзренными оппортунистами. Одна нянечка все-таки уговорила нас с товарищем «не бастовать, а покушать». И в ужин мы подняли лапки вверх. И... получили по цельной кружке чая (хотя до краев здесь обычно не наливают), картошку в мундире (какую-то зеленоватую) и селедку. А также по куску хлеба. Все. Хотя когда уговаривали нас поесть, то — вруны! — обещали дать и зеленый горошек. Но после того, как уговорили, разумеется, про горошек забыли. История типичная...

* * *

Я выпросил у нянечки шашки. Играли с Владиком и Кириллом. Легко их обыграл. Они пытались взять реванш в поддавки, но и тут им не повезло.

С Владиком играли и в морской бой.

* * *

Вечером было особенно весело. По вечерам у нас в «дурдоме» — танцы... Алкаш Володька (из аборигенов) очень здорово играл на гармошке, а многие мои собратья по высшему разуму танцевали. Своёобразно — лихо, задорно. Особенно старался истинный любимец местной публики Юрка. Вообще-то он обычно либо сидел на полу, либо качался взад-вперед, как маятник, либо долбил потным лбом стену, либо кричал что-то непонятно-звериное.

А тут Юрка плясал, двигался в такт музыке. Право, замечательно. Уж точно — не хуже наших райцентровских подростков, толкущихся в городском саду на дискотеке.

Вообще, Юрку надо бы описать поподробнее. Он маленький и толстый. У него отсутствующий взгляд, вечно открытый рот, гипертрофированно большой череп, точно у Ленина.

Думаю, если раньше — в моей добольничной жизни — мне встретился бы такой человек — мне стало бы нехорошо. А тут я к нему привык. Юрка — один из нас.

* * *

Утром врачи хотели послать запрос в районный диспансер об истории моей болезни. Я сказал им, что Халед Мафусаилович дал мне с собой какие-то бумаги. Они — в кейсе.

За кейсом послали медсестру. Увы, вещи уже перенесли на склад, который в субботу и воскресенье не работал. А была, как выяснилось, именно суббота.

Так что, как говорится, «доживем до понедельника». Я сам себя наказал — не передав вовремя медсестре послание Халеда Мафусаиловича областным коллегам.

* * *

Жена с тещей так и не приехали. Видимо, закрутились с какими-то делами. Я на них не обижался. Они же не догадывались, каково мне приходилось.

* * *

Вечер. Дали нам таблетки. Я их спрятал. На построение вообще не пошел. Стал бывалым. На ночь опять выпросил топчанчик из комнаты свиданий, матрац получил из палаты номер пять, где, в частности, ночевал Юрка. Неприятно, конечно, это было осознать.

— Но ничего! — успокаивал я сам себя. — Прорвемся!

Санитарка выдала мне также таблетки снотворного. Это меня порадовало. А то вчера проснулся в три часа ночи. А потом и вовсе не спал.

Вообще, сотрудники заведения обо мне заботились. И, как ни странно, уважали. За что? Всех называли на «ты», меня — на «Вы».

* * *

Борис сегодня ходил домой, принес фотоаппарат со вспышкой. Хотел меня сфотографировать. Но я отказался. Все-таки фон не совсем подходящий... Так Борису и сказал. Он не обиделся.

Узнал весьма любопытный для меня факт — оказалось, во всех двадцати отделениях больницы — психический больные. Многовато нас развелось.

* * *

Писал план действий на завтра — что мне предстояло сделать? Писал — и успокаивался. Так всегда со мной бывает. Сегодня еще следовало почитать любимую книгу, пописать стихи, дневник. Это оставалось на десерт. И вообще, я не тужил, хотя, конечно, многое меня тревожило. Тревожило будущее.

— А вдруг меня квалифицируют как шизофреника, — переживал я. — Куда мне потом деваться? Даже с неврозом, наверное, непросто будет устроиться на работу.

Впрочем, терзался я недолго. Сказалась потребность нервной системы в отдыхе. Я прилег и попытался вспом-

нить что-нибудь веселенькое. Что происходило за неделю? Кое-что трагикомическое происходило.

Вот один случай. Зашел в туалет. Справил малую нужду, собрался выйти. Закрыто. Начал стучать в дверь. Один псих (в туалете) проворчал:

— Не стучи, дай посрать!

И голой задницей сел на толчок.

Мне оставалось только дожидаться — пока он завершит свое «дело».

* * *

Наступило утро. 6 часов. Еще один день пошел, как я в «судрдоме». Спал хорошо. Как убитый. Таблетки, таблетки... Вместе с Владиком отнесли мой топчан на место. Положил свое белье на шкаф в палате номер один. В лучшей палате — самой чистой и спокойной. Вместе со всеми — в другую палату — класть не стал. Положишь со всеми, а потом — не дай Бог — спутаешь с чьим-то другим бельем. С Юркиным, например.

* * *

Неожиданно началась драка. Агрессор, вчера набросившийся на Панова, теперь бил ногами и руками кого-то другого.

Мы с Владиком разнимать их не рискнули, хотя поначалу робкие благие порывы имели. Побоялись. Подбежал санитар, все уладил. Побитого мужика уложили спать, а буйного агрессора увели в комнату для свиданий, которая у нас одновременно и холл, и карцер... В зависимости от ситуации.

* * *

Мы сидели по-прежнему за фикусом.

Узнали, что лидеру призывников Белому вlepили сульфазин. Парень совсем притих.

Подошли призывники из другого крыла коридора. Расказали забавный эпизод. Одногo аборигена спросили:

— Сколько времени?

Он в ответ:

— Одна секунда плюс пятнадцать часов минус три часа...

И т.д. В общем стал накручивать немислимые математические операции. Ребята следили, как могли, за ходом его мысли. Прибавляли, вычитали. Потом подсчитали и оказалось — все верно — время назвал правильно.

* * *

Наступило два часа дня. Мои на горизонте все не появлялись и не появлялись. Видимо, на плечи тещи свалилось много работы. Теща — врач. Или, может быть, Марина заболела. Жена у меня слабенькая.

Бывший вожак постепенно приходил в себя. Попросил гитару, на которой он — согласно его словам — научился играть, как Юрка Антонов.

Заиграл. Лучше бы он этого не делал.

Потом бренчали все по очереди. Бренчал и я. Свои стародавние немногочисленные сочинения. Хотя гитару так и не мог толком настроить — композитор... Это сделал мощный гигант, алкаш Володька.

Он, вообще, мне понравился. Лицо у него излучало непритворную, изначальную доброту.

* * *

Подошел Юрок. Что-то прорычал. Один из призывников протянул ему половинку бутерброда. Юрка сначала взял, а потом выбросил. Обиделся, увидев, что дали только половинку. Юрка — очень гордый человек.

* * *

К Владиду приехали родители, повезли жратвы, меня угостили. Целый кекс я слопал. Захотелось пить. Решился попить из-под крана в ванной. Вода — мутная. Попил. Вымыл руки. Сбавил воду из-под крана. И опять

сполоснул руки. Чтобы не подцепить какой-нибудь заразы. Даже от прикосновения к регулятору воды.

* * *

Сегодня пришел санитар по прозвищу Зверь. Им все время раньше пугал наш местный Леонид Андреев — Кирилл.

Зверь оказался не страшным. Да, матерился он колоритнее других, да, иногда давал пинка под зад пациентам... Но не более того.

Он несколько лет сидел.

* * *

Юрка где-то нашел сигареты. Полдня ходил по коридору, дымя и улыбаясь. Никто ему не мешал.

* * *

Жирный Алексей (Ваня) сегодня рассказывал, как в первый раз соблазнил свою невесту:

— Я пришел к ней домой и потребовал: «Дай и все!». Она и дала.

— Бил? — спросил почему-то Владик.

— Нет, она сама дала.

* * *

— Интересно все же, — тревожно размышлял я. — Почему к нам так долго не заглядывают врачи? Может быть, они в «дурдоме» вообще отсутствуют как класс? А те, что делали кардиограмму, — были просто переодетыми психами?

* * *

Новость — веселая! — обрушилась на голову. Выяснилось, что у агрессивного психа Пети, который кидался на Панова и бил ногами другого аборигена, любимое место отдыха — наше, за фикусом.

Это сообщила нам одна из нянечек.

* * *

Мы поняли с Владиком, что совершили ошибку, близкую к роковой. Интересно — почему Петя нас до сих пор не убил и даже не ударил?

Нянечка шепнула нам очень деликатно:

— Петруша — человек особенный. Пользуется в больнице большим авторитетом. Он до ужина работает, а потом приходит сюда. И вот уже несколько дней его резиденция занята.

Мол — выводы делайте сами.

* * *

Я сказал Владике:

— С одной стороны, ясно, что если места ему не уступить, то мы обречены. С другой стороны, если уступить место — то ничего хорошего нам тоже не светит. Больше в больнице в относительной безопасности находиться просто негде.

Владик, точно потеряв дар речи, испуганно молчал. Мы-таки решили рискнуть — из-за фикуса не выходить. К тому же сам Петя нас пока ни о чем не просил. Даже не намекал... Хотя нет, вру — однажды он обмолвился — при нас! — медсестре:

— Вот дожил, даже отдохнуть негде.

И жалостливо сел в коридоре на корточки.

Мы затаились.

И стали ждать.

* * *

Мы, призывники, разговорились со Зверем. Видимо, мы ему понравились. Он раздобылся, выпустил нас на лестничную клетку покурить. Многое порассказал слушаев из своей богатой санитарской практики. Продемонстрировал нам свой шрам на голове — это кто-то из буйных его лопатой «уважил».

Зверь разрешил нам потрогать шрам. Мы все по очереди потрогали. И сочувственно повздыхали. Спросить — где буйный пациент достал в отделении лопату — я не рискнул. Побоялся потерять расположение Зверя — вдруг бы он заподозрил, что я ему не верю.

— Страшнее всего, — делился впечатлениями Зверь, — в женском отделении. Раз зашел туда передать знакомой алкашке («белая горячка») сигареты и увидел следующее: кто-то из этих бабенок ходил без трусов, кто-то без платья, почти все были лысые (чтобы вши не разводились). Я тогда попал к ним во время обеда. Одна брюнетка влезла на стол и начала разбрасывать миски. Я еле ноги унес. Справиться с ними невозможно. Мужикую хоть врезать можно. Бабу бить вроде нельзя. А даже если ее и ударишь — ей все по фигу. Кулаками от нее ничего не добьешься. Ни от психички, ни от нормальной. Потому что любая баба — это дьявол в юбке.

Зверь оказался философом.

А кто бы мог подумать?

* * *

Белый (он же будущий директор киносети) совсем заговорился. Сначала всем нам поведал, что он родом из Жордевки, потом вспомнил, что из Слесаревки. Наконец заключил, что он из Никифоровки. И вот последняя информация. Из его же уст:

— Я родился и живу в областном центре. Но вообще-то на карте генеральной — это Дмитриевка.

Стало ясно, почему этого призывника не отпускали уже вторую неделю.

* * *

Наконец-то пришли Марина и Элеонора Петровна. Они меня в наших пенатах довольно долго искали. Какой-то санитар (дурень) сказал им, что я (откуда он меня

знал?) не в десятом, а в третьем отделении. Потом все-таки заглянул к нам — полюбопытствовал. И нашел меня как раз в десятом. Спасибо ему!

Говорили мы ровно час. Столько, сколько нам разрешили. Родные сообщили радостные вести, что в «районке» напечатали мою большую статью под псевдонимом и маленькую заметочку — где я (скажите, какой мэтр!..) представил молодую поэтессу Марину Индюшину.

Поел яблок, винограда. Отвел душу. Еще они принесли голубцов, варенья, воблы.

Но почему-то ничего не хотелось. Дома про меня никто не спрашивал, кроме, как ни странно, Николавны, вдовы марининого дедушки. Теща сообщила родственникам, что я в терапевтическом отделении. На обследовании. Такую мы, говоря шпионским языком, придумали легенду. Во время встречи в основном говорил я. Они слушали и сочувствовали. По-моему, они, как наш районный врач, стали сомневаться в моем душевном здоровье. Смотрели на меня как-то подозрительно.

* * *

Сегодня курил. На лестничной клетке, когда нас туда выпускал, точно дрессированных тюленей, санитар по прозвищу Зверь. Выкурил пол сигареты. Было приятно. Но сердчишко сразу заныло. Чуть-чуть.

* * *

Странная вещь: все наши призывники считали друг друга — у/о — достойными психушки.

* * *

Писал, писал. В основном — дневник. Все наверняка думали, что я окончательно свихнулся.

Либо свихнулся от того, что пишу, либо пишу от того, что свихнулся. Кажется, так Ирвинг Стоун писал о Ван-Гоге.

Но вообще-то я, наверное, в самом деле должен был производить странное впечатление. Судите сами —

бородатый, усатый выпускник ВУЗа сидел за фикусом в «дурдоме» и что-то день и ночь писал...

* * *

Земляк Ваня констатировал — чему он научился во вспомогательной школе:

— Читать, писать и даже считать немножко.

Немало. Я и в нормальной школе научился только тому же.

* * *

Санитар мыл наш узенький коридор, нас с Владиком выгнал в общее пространство.

* * *

Играл вместе со всеми призывниками в карты, в дурака. Один длинный парень все время ходил взад-вперед, как маятник. Наверное, на воле он занимался спортивной ходьбой. Один из наших предложил ему сигарету и твердо потребовал:

— Хватит тебе ходить туда-сюда! Покури лучше!

Тот замахал руками. Мол, отстань от меня... Дай мне делать то, что я люблю. А именно — ходить.

Кажется, «Маятник» (именно так его называли мои товарищи) был глухонемым.

* * *

Другой абориген тоже все время ходил. Но при этом что-то всегда говорил. Например:

— Я часовой государства, я стою возле знамени.

Или просто бубнил что-то себе под нос. Как и я иногда — на воле.

Над ним все наши смеялись.

Если бы они узнали, что и я так иногда бормочу что-то себе под нос — они бы, наверное, удивились.

* * *

В карты играть надоело. Ходил. Потом слушал рассказы одного из наших про «1000 мелочей» (так в больнице называли холл).

Он выполнял (порою) функции своеобразного «дурдомовского» гайд-парка. В холле разрешалось делать почти все.

Вчера один снял штаты и запросто помочился в ведро.

* * *

Приехали новые медсестры и сообщили, что выходные у нас пропали даром. Врачи, которые должны были нас обследовать, по выходным в «дурдоме» не работали.

Меня это почему-то даже не расстроило — на быструю выписку я к тому времени надеяться уже перестал.

* * *

Борис делился своими познаниями про фонограф, Большую Советскую Энциклопедию, зоофилию, про что-то еще. Болтал обо всем, но чересчур быстро.

Одна-две фразы — и он уходил (в прямом и переносном смысле) в сторону.

Можно было ему и не отвечать. Фактически он говорил сам с собой. Я (или кто-то другой) служили просто фоном для его высказываний.

* * *

Опять началась «дискотека». На этот раз в нашем (за фикусом) углу. Мне почему-то стало в больнице совсем не страшно. Все происходило как обычно. Володя играл, все остальные слушали, Юрка танцевал. Интересно, что охотнее всего Юрка танцевал под песню «Барабан». Если мне повезет и я встречу когда-нибудь поэта Вознесенского, скажу ему, какой бескрайней любовью он пользовался в нашем отделении.

Обычно Юрка плясал следующим образом. Встав по середине коридора, он ритмически, под музыку качался взад-вперед. Все. А сегодня он даже по-цыгански потряс плечами, чем привел в неописуемый восторг благодарную публику.

* * *

Один из наших призывников (какой-то паршивец) решил подставить под зад Юрке стул, пока наш маэстро отплясывал. Юрка заметил и нервно оттолкнул стул.

Я запретил нашему издеваться над танцором диско...
Меня слушались в больнице.

* * *

Володя не только хорошо играл на баяне, но и пел неплохо.

* * *

Борис сообщил, что построит в одной из школ области бассейн и запустит туда дельфинов.

— На радость детям! — так он выразился.

* * *

Появился и другой любитель потанцевать. Тоже из местных. Он так лихо сегодня отплясывал цыганочку, так лупил голыми пятками и ладонями по несчастному полу, что соседям снизу, наверное, известка сыпалась на головы. Может быть, они даже думали, что у нас тут кого-то методично избивают.

* * *

Узнал, что Володя с пятьдесят восьмого года. Я бы дал ему пятьдесят лет.

* * *

После танцев все разошлись на спец. ужин. Это когда каждый ел то, что ему принесли родные.

Я не пошел. Был сыт. Баян остался лежать рядом с моим креслом.

Подошел какой-то неизвестный мне безумец. Глаза — буйного больного. Он взял баян, я не смел ему перечить.

— Лишь бы не сломал, — только и подумал. А парень заиграл так, как, наверное, не смогли бы и в консерватории. Шустро бегал ловкими пальцами по клавиатуре, как, может быть, папанинцы — по льдинам.

Но играл он почему-то исключительно одну мелодию.

* * *

К музыканту подбежал неугомонный Панов и попеял ему, чтобы он не мешал мне работать.

Я заверил Борю, что мне музыка никогда в жизни не мешала.

* * *

Все психи привыкли к тому, что я постоянно что-то писал. И никто не спрашивал (впервые в моей жизни!) — зачем я это делал. Надо — значит надо.

Вообще, коллектив у нас в больнице подобрался исключительно творческий. Все в принципе были заняты своим делом. Юрка танцевал, я писал, Володя играл на баяне... Эх, нас бы вовремя на большую эстраду — мы бы покорили полмира.

* * *

Владик рассказал, что утром наблюдал такую сцену.

В «Тыще мелочей» один из аборигенов, заткнув зачем-то уши, полоскал рот. Стоявший рядом Ваня заметил:

— Дурак он, вот если бы масло у него во рту плескалось, тогда бы уши точно следовало бы заткнуть. Тогда бы действительно вода через уши просочилась бы.

Мы с Владиком Ваню не поняли. Иногда он выражал свои мысли очень сложно, даже загадочно.

* * *

Один псих сегодня кричал:
— Все вы здесь — трупы!
Я не знал, как ему возразить.

* * *

Наступила моя очередная ночь в психушке. Выпросил у нянечки и фельдшера (Николая Андреевича) разрешение спать на топчане. В «моем» коридоре.

Разрешили. Дали новое белье. Прекрасно. Старое белье кто-то взял со шкафа из первой палаты.

Устроил себе удивительное лежбище. Как фон-барон. Так меня, кстати, стал почему-то называть Белый.

Немного на сон грядущий поговорил с Владиком, почитал стихи и уснул без задних ног. Снотворного не принимал. И ни разу до утра не проснулся.

Где-то в полшестого утра заорала гитара и призывники, которые, как выяснилось, не спали до трех часов. Веселые хлопцы.

Встал, умылся. Вытер руки и морду о свитер. Не обшей же было вытираться простыней.

Ночью снились дурдаши. Будто заставляли меня мыться вместе с ними в бане. Еле-еле — там же, во сне — от них отбился.

* * *

Наступил новый день.

Маленькое зернышко надежды на то, что скоро выпишут, выросло в огромное, но, кажется, не плодоносящее дерево.

Внутренний голос молчал.

* * *

Имел беседу с фельдшером. Он оказался очень простым, наивным парнем.

Он спросил у меня:

— У тебя все нормально?

Я кивнул головой. Выходило, что у меня действительно все нормально. Вот так.

Один из аборигенов присутствовал при нашей беседе и поддержал разговор:

— А чем здесь, в «дурдоме», плохо? Не работаем, кормят нас хорошо, гармошка есть, телевизор обещали. Рай.

* * *

Фельдшер очень интересовался:

— Почему же ты, учитель математики по образованию, занимаешься журналистикой?

Я не стал ему объяснять, что мало кто из хороших (речь, конечно, не обо мне!) журналистов имеет специальное образование. Такой ерунде особенно учиться не надо.

* * *

Усатый Паша, тоже абориген, заявил, что в коридоре видел Высоцкого. И что Владимир Семенович иногда с Пашей разговаривает.

* * *

Призывники меня поражали. Задирали психов, подкалывали над ними (даже в их присутствии). То ли они ничего не боялись, то ли они действительно...

* * *

Один из аборигенов здорово предупредил Белого:

— Не задавайся, а то я тебя сильно стукну, у меня ума до хуя...

* * *

Паша, приложив ухо к полу, лег в коридоре и пробормотал:

— Вставай, Высоцкий... Я тебя отыскал.

Над Пашей стал почему-то посмеиваться агрессор Петя.

Но Паша на него не обратил ни малейшего внимания, а только добавил:

— Сейчас мы пели с Высоцким, а теперь будем пить.

* * *

Вчера призывники обсуждали жгучую проблему: потеряла Пугачева зрение или нет?

— Она ослепла, — заверил Белый. — Мне сосед по палате, дурак, сказал.

— И я слышал, — поддержал Белого Ваня. — На киностудии во время съемок осветительная лампа разорвалась. Алке — в глаза. Но — прочистили.

— Точно, прочистили! — констатировал агрессор Петя.

* * *

Когда мне вчера Марина и Элеонора Петровна вручили передачу, я попросил их, чтобы в следующий раз они принесли побольше семечек.

Потому что надо было делиться. В больнице образовалась братская солидарность. Все старались угостить друг друга. Хоть чем. Психи уже неоднократно предлагали мне и яблочко, и булочку, и семечки...

Яблоками со всеми поделиться было сложно — не напастись! А семечками — вполне. Угостил — и все в порядке.

* * *

К сожалению, я забыл дома часы. И постоянно спрашивал у своих товарищей-призывников:

— Сколько времени?

Записывал время в дневник. За сегодняшний день возникли такие цифры. 7.55. 8.30. 9.45. 10.25. 10.45. 11.25. 14.20. 19.20.

* * *

Некоторых из наших начали выписывать. Других — хотя бы обследовать. А до нас с Владиком никому по-

чему-то не было никакого дела. Но хорошо, что мы хоть держались вместе. Вдвоем всегда легче.

* * *

Владик раньше отказывался от книги «Лирика поэтов трех веков», а последние дни читал взахлеб. Он впервые в жизни прочитал стихи, которые не являлись обязательными по школьной программе.

Приобщился. Порадовал меня.

* * *

Призывники по инициативе Паши начали играть в любимую игру аборигенов: один потреплет другого за ухо, а тот должен потрепать третьего, третий — четвертого и т.д. Так до бесконечности. Смысл игры — не подставить уши. Уберечься. Паше понравилось играть с нашими. Он вообще их полюбил.

Одного из них даже решил усыновить.

— Считаю меня отцом родным. Когда выйдешь отсюда — пиши мне обязательно. Защищай знамя Родины и пиши мне, отцу твоему. Сюда пиши — домой.

Затем Паша продиктовал Белому адрес психушки.

* * *

«Отец» и «сын» отошли в сторонку посекретничать.

* * *

Начали выписывать очень многих. Однако на меня и Владика врачи по-прежнему не обращали никакого внимания. Хотя заведующая отделением дня три назад пообещала лично меня здесь долго не муржить.

Но, видимо, прочитала послание Халеда Мафусаиловича и мнение свое изменила.

Вчера так сказала мне:

— Надо обождать, обследоваться еще. Пройти психолога, а он сейчас страшно загружен.

* * *

Я спросил у санитаря:

— Который час?

Не ответил.

* * *

Домой отправили Сережку Манковского. Я раньше у него спрашивал — который час?

Он всегда охотно отвечал.

* * *

Мне начинало казаться, что в мои вещи (которые находились в нашем отделении) могли попасть вши. Их в отделении оказалось видимо-невидимо.

Это пугало.

* * *

Борис опять уходил на выходные домой. Я дал ему денег, чтобы он купил мне лимонаду, хотел дать денег и на общую тетрадь — бумага почти кончилась — но рублишек не хватило.

Посему писал очень аккуратным, бисерным почерком — экономил листочки.

* * *

Выпускали (о, ужас) всех — кроме меня. Выписали даже Владика, с которым мы простились сдержанно и достойно. Пожелали друг другу удачи.

А психолог все не появлялся и не появлялся. Глаз у меня стал дергаться катастрофически. Точно у самого настоящего неврастеника. Я надоел всем врачам, санитарам, нянечкам. У всех спрашивал:

— Когда появится психолог? Когда появится психолог? Когда появится психолог?

Попытался отпроситься у заведующей на день домой. Она резко и раздражительно отказала:

— Как я устала от всех вас и от тебя в том числе!..
Кошмар.
Но жить все-таки было нужно. Нужно?
Нас оставалось (осталось) только трое. Из призывников. Белый, еще один совсем безумный малый, да я.

* * *

Разговорились с Белым. Он оказался не так прост, он «косил», не хотел идти в армию. Поэтому и буянил здесь. Так его товарищи научили — «кто буянит, того в армию не берут».

Сидели за фикусом вместе.

* * *

Почти кончилась бумага.
Я не знал, что делать.

* * *

Моя извечная «больничная» проблема — где справить большую нужду? В наш «дурдомовский» туалет я входил каждый раз так, точно всходил на эшафот.

* * *

Что я сегодня ел? Несколько конфет и пирожное «Шарик». Чайку попил, воды из-под крана. В ванной. Все.

Так что справлять большую нужду пока не представлялось необходимым.

* * *

Долго болтал с Белым. Он грустил, что завтра пообещали выписать последнего нашего товарища-призывника.
Я тоже грустил из-за этого.

* * *

Ждал ночи. А новая медсестра не разрешила мне спать в моем углу. Пришлось ночевать в палате номер один.

* * *

Борис рассказывал про интересных обитателей психушки:

— Жил здесь один офицер-подводник. Он писал рассказы и посылал их Брежневу. И критиковал социалистический строй.

А еще писал Пиночету: «Дорогой Аугусто, вешай канальев-коммунистов!»

* * *

Тик у меня прогрессировал. Ходил по лицу, точно странник по земному шару.

* * *

Белый освоился в «дурдоме» основательно. Мылся каждый день под душем. Ходил по нашему отнюдь не идеально чистому полу босиком.

Выяснилось, что Белый учился во вспомогательном интернате.

* * *

Ходил с трудом. Голова кружилась. Веселенькие дни недоедания (точнее, голодания) стали сказываться.

* * *

Писать начал совсем мелкими буквами. Очень-очень аккуратно. Тетрадь была на исходе.

Вышагивал, как говаривал Вознесенский, стихи. Но безрезультатно.

* * *

Думал о завтрашнем дне.

— Может быть, — говорил я сам себе, — случится что-то хорошее? Может быть, посетят жена или теща? Может быть, Кирилл принесет «Литературку» — он обещал. Его родители на день забрали домой.

* * *

Писать дневник не хотелось. Я начинал повторяться.

* * *

Хотелось пить. Но в ванной в данный момент кто-то мылся. В горле как-то противно першило.

Хотелось пить. Из ванной вышли. Но я боялся пить из крана — боялся подцепить какую-нибудь заразу.

Хотелось пить.

* * *

Медсестра сегодня дежурила безобразная. Даже пыталась заставить таблетку какую-то мерзкую — при ней! — выпить. А я все равно не выпил. Засунул в рот и ушел. А потом зарыл в ведро из-под фикуса.

* * *

Опять устроился спать в общем коридоре. На топчане. Его поначалу санитар не давал. А разрешила (как ни странно!) злая медсестра, та самая — «безобразная». Никогда не поймешь сразу — кто поможет в жизни, а кто навредит.

* * *

На шкафу в первой палате лежало постельное белье. Я его вчера туда положил. Но тут я засомневался, что оно мое. И сказал санитару:

— А Вы знаете, это, кажется, не мое белье.

Он:

— Да ложись ты скорее, какая тебе разница, на каком белье спать!

— Что я — свинья, что ли?

— А я свинья — сплю здесь?

Вот такой получился диалог. Я ему про Ерему, а он мне про Фому.

К тому же и дикция у этого санитаря страдала. Он бормотал себе под нос что-то невразумительное (во всех

смыслах). Нужно было обладать определенными навыками, чтобы его понимать.

* * *

Прибыло пополнение. Второй день уже, как у нас появились новые призывники.

Я им сегодня велел (королек!) поставить «мой» топчан рядом с их лежбищем (они все вчера спали вповалку, друг с другом рядышком). Они поставили. Я, не став читать, — очень утомился за день — сразу лег. Да не заснул. Ребята играли в карты и хоть тихо, но говорили.

Тогда я передвинул (уже сам) свой топчан подальше от ребят. Оказался аккурат напротив палаты номер шесть. Возникли милые ассоциации...

Опять попытался заснуть. И опять не смог. Стоял страшный храп. Санитары время от времени кричали то на психов, то друг на друга. Все-таки заснул. Под вопли картежников. Опять без снотворного. Проснулся в два ночи. Поворочался и опять заснул.

* * *

Пришел Кирилл. Местное «радио» сообщило, что его привели милиционеры из ресторана, где он сидел с девушкой. Он просрочил свое увольнительное. И его схватили. Он даже не успел проводить девушку домой.

* * *

Кирилл рыдал. Нянечки его успокаивали.

— Кирилл, не плачь, будь мужчиной!

Я его понимал. И жалел. И тоже успокаивал, как мог. Он плакал нутром. Не для того, что произвести впечатление.

Бедный, бедный мальчик.

Впрочем, чужие беды мы уж как-нибудь сможем пережить. Это подмечено точно.

* * *

Утром вымыл руки, вытерся о свитер. И в кресло — писать. Затем трепался с призывниками и очень долго — с Кириллом. Оказалось — его действительно взяли прямо в ресторане. Менты позорные. Перед этим он успел сходить в кино на двухсерийный канадско-французский фильм «Это было в Париже».

Представляете — после Парижа — в «дурдом»...

Когда Кирилл ушел, я опять стал заполнять свой дневник. Белый все удивлялся тому, как быстро я выводил свои каракули.

* * *

По коридору прошла заведующая. Вежливо со мной поздоровалась. Я стал надеяться на лучшее...

* * *

Утром водили меня к невропатологу. Мило поговорила с пожилой дамой о литературе, в частности, о Солоухине, ее самом любимом писателе. Говорила в основном она. Хотя я тоже что-то вякнул. О моем понимании литературы. По-моему, я убедил ее в том, что я не шизофреник.

Но все-равно осадок после этой встречи остался тревожный. Не много ли я болтал о бессознательной природе творчества? Не напугал ли ее?

* * *

Медсестра, которая водила меня к невропатологу, вскользь обронила:

— Больше Вам проходить никого не надо. Так мне велел передать Вам Семен Моисеевич.

Я даже не знал, что и думать. И сам побежал к Семену Моисеевичу.

* * *

Он сказал:

— Да, психолога Вам проходить не обязательно. Оказалось достаточно одного невропатолога. Тем более, что председатель комиссии уже подписал заключение. Суть дела уже не изменить. У Вас не тот диагноз, с которым Вас сюда направили.

— Не соответствует действительности?

— И да, и нет. Просто когда Вы пришли в районный диспансер (подцепив какую-то инфекцию, возможно, Вы в тот момент болели гриппом), Вы находились в одном состоянии, а сейчас Вы совсем в другом состоянии. Разные диагнозы. Понимаете? У Вас невроз. Вы просто нервный человек. Но подлечите нервишки, успокойтесь — и все пройдет. Конечно, никакой шизофрении у Вас нет.

Я понял, что мой «друг» Халед Мафусаилович вместе с районным военкомом направили меня в «дурку» с диагнозом — шизофрения.

Но это меня уже не волновало. Я понял, что меня скоро выпустят! Ко мне пришли надежда, желание жить, хотелось бегать, прыгать, летать!..

В голове пронеслась нахальная мысль — а, может быть, завтра и выпишут?

Робко спросил об этом у врача.

— А чего до завтра тянуть? — ответил этот гениальный еврей, — сейчас невропатолог напишет заключение — и тотчас выпустим.

Я не верил своим ушам. Я был на грани счастливого обморока. Я начал нервно, судорожно благодарить Семёна Моисеевича:

— Я буду молиться за Вас, буду молиться за Вас. За все, что Вы для меня сделали. За то, что меня выпустили прямо сейчас, а то я здесь постепенно действительно начал сходить с ума.

Он улыбнулся:

— Я понимаю. Вам здесь, конечно, пришлось тяжелее, чем остальным...

* * *

Но и всем остальным в больнице было плохо. Особенно оставшимся призывникам. Особенно после того, как стали выписывать меня.

Я трогательно (почти по-фронтовому) простился с друзьями — с Белым, новобранцами. Белый оказался пророком. Еще вчера он сказал, что меня скоро выпишут.

Простился с Кириллом, который стал еще мрачнее. Его было жалко больше других.

Стало стыдно, что съел у него утром (он угостил) две грозди винограда и яблоко. Но кто же знал, что мне уходить...

Кирилл сказал, что теперь точно совершит побег. Onde решил.

Пожал руку Борису. Он заплакал. И пожелал мне:

— Не забывай про нас! Мы — тоже люди!

Я пообещал ему написать про больницу книжку.

Он обрадовался.

Медсестра напомнила мне о моей сумке с продуктами. Я хотел оставить ее Юрке, но медсестра предупредила:

— Это плохая примета. Тогда вернешься...

Пришлось забрать. Я раскланялся с медсестрой. Пожал руку Володьке. И — самой быстрой в мире пулей! — вылетел из ада.

Я оказался на свободе.

* * *

Я приехал домой (там никого не оказалось), сбросил с себя пропитанную больницей одежду, помылся, полежал на кровати, посмотрел телевизор.

И... с нежностью и болью стал вспоминать своих коллег по несчастью. О других людях почему-то не вспоминал.

За весь день я не написал ни строчки.

1986

ЛЮ
(Повесть)

ЛЮ (Повесть)

Сидор Иванов — начальник отдела рекламы и маркетинга строительной фирмы «Головкер и братья» — вышел покурить на первый этаж, в коридор. И увидел незнакомую девушку — длинноногую, высокую, изящную, кареглазую, в черном костюме и с томиком Кортасара в руках. Иванов потерял на миг дар речи — такого чуда он не видел никогда. Каким-то шестым чувством он понял: это та девушка, которая записалась к нему на собеседование. Ее порекомендовал ему Олег Мусаев, сосед Лю по даче в Краскове и его лучший друг. Она претендовала на должность корреспондентки в корпоративной газете, которую он издавал и редактировал.

— Вы Лю? — спросил он ее.

— Да. А Вы Сидор Иванович?

— Да.

* * *

Их взгляды, как поется в пошлых, однако нестареющих романсах, встретились, они *узнали* друг друга. И поняли: просто так эта встреча не закончится.

* * *

После трехминутного разговора в комнате Иванов сразу предложил ей — студентке последнего курса филфака МГУ — несуразно приличный оклад. И сказал: «Вы мне подходите!»

* * *

Вечером Иванов позвонил Мусаеву и начал кричать: — Ты debil, олигофрен. Почему ты ее от меня скрывал? И еще говорил: «Она так себе, ничего, обычная, скромная девчонка!» Она же совершенство! Это мой идеал женщины.

— Да, брось ты, — смеялся Олег. — Я от тебя подобные слова уже слышал.

* * *

Ее звали Лю, что по-японски, как она говорила, означает «странник». Она оказалась метиской. Лю рассказала что, ее мама Ирина Петровна вышла в свое время замуж за японца Акиро Такинава. Прожив несколько незадавшихся в семейном плане лет в Токио, вернулась домой. С маленькой — родившейся в Японии — дочкой.

* * *

Иванов и Лю работали в огромной фирме, сидели — вместе еще с пятью сотрудниками — в одной тесной комнате, занимались выпуском рекламно-полиграфической продукции, сувениров, газеты, обслуживанием сайта и т.д. Он был ее начальником, она — подчиненной. Ему было тридцать шесть, а ей двадцать один. Разница — пятнадцать лет.

* * *

В ее речи он слышал полузабытые слова. «Мой возлюбленный» (про гражданского мужа), «велеречиво» (о чем-то изысканном) и т.д.

Она походила на девушку из прошлого века.

* * *

— Кажется, она совершенно не знает себе цену, — думал Иванов.

* * *

Примерно через месяц после начала совместной деятельности Лю стала все пристальнее и пристальнее присматриваться к начальнику. Оказалось, что он любит поэзию, сам пишет стихи, рассказы, владеет фирмой, занимается производством сайтов, живет один в трехкомнатной квартире, окончил университет в Брюсселе, ранее жил в Париже, Нью-Йорке, Стокгольме, говорит

по-французски и по-английски, в прошлом неоднократно был чемпионом Москвы по хоккею с шайбой и т.д.

* * *

Вечером Иванов ехал в свою фирму — у них с Олегом был офис на Арбате.

— Представляешь, — говорил Иванов, — сожитель Лю трахает ее и небось не подозревает, что он самый счастливый человек в мире. А, может быть, вообще отказывается от нее иногда?

— Да брось ты завидовать, — как всегда, улыбался Олег. — Думай лучше о Таньке. Ты что-то про нее совсем стал забывать.

— Танька — это моя российская семья, — отвечал Иванов. — А Лю — мечта. Не путай божий дар с яичницей.

* * *

Лю дала почитать Иванову свои эссе и рассказы. Он обнаружил в них много бессмысленной шелухи, лишних слов, красотостей. Но сквозь бетон непрофессионализма росла, обдирая нежнейшие лепестки, заповедная глазастая роза. Роза откровенности, стремления познать мир. Ее надо было увидеть.

* * *

Лю писала левой рукой.

* * *

Фиксировать свои чувства на бумаге Лю умела. Она умела брать фактуру.

* * *

Они родились в один день. Оба — летом. В названиях их родных улиц было общее слово — красный.

* * *

Лю все меньше и меньше восхищалась своим гражданским мужем Игорем, все больше времени проводила на работе и начинала тайно (а в общем-то и не скрывая этого) мечтать о Сидоре Ивановиче. Иванов это видел и как опытный человек усердно — *демонстрируя полное равнодушие!* — старался производить все более серьезное впечатление на девушку.

* * *

— Слушай, позвони ей! Спроси, какого она обо мне мнения, — попросил однажды дома у Мусаева Иванов.

Мусаев набрал телефон Лю.

Они говорили минут пять.

— Она от тебя и от работы в восторге. Обещала мне проставиться.

— А Сидор Иваныч, — сказала, — классный мужчина.

— Мужчина или мужик? — уточнил Иванов.

— Мужчина.

— Это хорошо.

* * *

Они стремительно шли навстречу друг другу, *предавая* своих самых близких людей (Лю — Игоря, а Иванов — дочку и бывшую жену, с которыми он, несмотря на развод, поддерживал самые тесные и высокие отношения, а также свою постоянную любовницу Таньку).

* * *

Вскоре Игорь собрал пожитки и переехал к своей тете. Он не выдержал. Фактически Лю выпроводила его.

* * *

А рядом шла параллельная жизнь.

* * *

Отношения с семьей у Иванова были предельно отретированы. Жена и дочка уже десять лет жили за границей, в Германии. Приезжали в Москву три раза в год на одну-две-три недели. В этот период Иванов безжалостно отключал телефон и был примерным семьянином. Никто не мог нарушить их краткой семейной идиллии.

* * *

Отношения с Танькой Щелкунчиковой, которые начались стремительно и бурно, продолжались.

Когда вечный сводник Олег Мусаев привел ее к нему в гости, они уже во время первого танца стали пылко целоваться, а после второго — Иванов утащил ее в спальню, где начал агрессивно и разнообразно трахать.

* * *

Олег сидел в комнате полчаса, а потом тихо и униженно подался восвояси.

* * *

Иванов и Татьяна одевались.

— Наверное, ты шаман, — сказала она ему. — Ты полностью отключил меня, загипнотизировал.

* * *

Оказалось, что День рождения у них в один день.

* * *

Земля — точно апрельская береза — соком — пропитана мистикой. Есть какие-то законы, которых мы не знаем.

* * *

Они стали встречаться по два-три раза в неделю. У нее была уютная, ухоженная квартирка на Дмитровской, куда Иванов собирался в ближайшее время переехать.

* * *

Танька была болезненно худой, короткостриженной, кривоватой и круглолицей девушкой с нулевым размером груди. Фактически она была мальчиком. И, видимо, этим и нравилась Иванову, который впервые получил возможность реализовать свой латентный гомосексуализм.

* * *

Секс у них был простой. Она в основном делала ему минет.

* * *

В июле Танька упорхнула в Крым, в Феодосию. А к Иванову приехали жена с дочкой.

* * *

Танька позвонила из Крыма, Иванов был очень сдержан, сказал ей, что играет с дочкой.

* * *

— Кто звонил? — спросила жена.

— Это Боровиков. Из Германии, — соврал Иванов.

* * *

Когда Танька вернулась из Феодосии, Иванов не давал знать о себе примерно неделю — у него еще гостили жена с дочкой.

* * *

Когда он ей позвонил, она была холодна и сдержанна.

— Все нормально? — спросил наивный Иванов.

— Да, все нормально, — наврала Татьяна.

* * *

Спустя неделю она позвонила ему на работу и спросила телефон Олега.

- А зачем он тебе? — удивился Иванов.
- Машина сломалась. Может быть, он поможет?
- У нас с тобой все нормально? — испугался Иванов.
- Да, не волнуйся, все в порядке.
- Так, может быть, я тебе чем-нибудь помогу?
- Ты в машинах ничего не понимаешь.

Иванов дал телефон Олега. Тут же ему перезвонил и предупредил, чтобы он был начеку, «возможно, тут какой-то подвох».

— А можно, я ее трахну? — спросил — простой как 286-й компьютер — Олег.

— Я буду только рад, — нарочито спокойно ответил Иванов, уверенный, что это просто невозможно.

- Что ж, тогда я к ней поеду.
- Держи меня в курсе.

* * *

Вечером Иванов позвонил Таньке. Она взяла трубку и сразу передала ее Олегу. Тот сказал, что все в порядке. Машину починил.

По голосу Иванов понял, что *нечто* произошло.

* * *

Танька отомстила.

* * *

Утром Олег рассказал Иванову по телефону, что во время встречи Танька буквально набросилась на него с объятиями, обливала Иванова грязью.

* * *

Олег и Танька не трахались. Но целовались и занимались петтингом. Обо всем этом любящий правду-матку Олег в деталях рассказал Иванову по телефону.

* * *

Иванов был в шоке, в ярости, в недоумении.

— У меня земля ушла из-под ног, — прорычал он Олегу по телефону. — Что же мне теперь делать?

— Женись на Лю, — ответил Олег.

* * *

Они говорили еще минуты три. Потом Иванов отчеканил:

— Я сейчас совершенно *спокоен*. Мы разрываем с тобой все отношения. И все проекты. Больше мне никогда не звони.

И положил трубку.

* * *

Они не виделись два месяца. За это время Олег благополучно завалил несколько проектов в их фирме, на связь с Ивановым не выходил.

* * *

Иванов очень страдал. Как выяснилось позднее, Олег — тоже.

* * *

Через два месяца они все-таки помирились. Дружба восстановилась. Все-таки у них было общее дело, общие интересы. И понимали они друг друга как никто.

* * *

Это тоже была любовь. Никакой дружбы на самом деле нет.

* * *

Об истории с Олегом и Танькой Иванов раструбил на работе всем. И даже Лю. Прежде всего Лю. Фактически Иванов сообщил ей, что отныне свободен. Выходило, что это он направил Олега к Таньке. Дабы избавиться от нее. Свалив всю вину на нее.

* * *

О, хитрый, коварный Иванов!

* * *

Мама Лю общалась с мамой Олега. И с Олегом.

— А он не обидит Лю? — спросила она его однажды на даче.

— Это исключено. Я его знаю два года. Это мой лучший друг, — ответил Олег.

* * *

Он дал ей почитать «Распад атома». Ему было неловко: он дал ребенку почитать взрослую книгу, с описанием любовных сцен.

* * *

Вскоре мама Лю — разумеется, через дочку — пригласила Олега и Сидора Ивановича к ним на дачу.

— Можно разместиться у нас. Места на всех хватит.

* * *

Иванов понял, что Лю идет семимильными шагами на сближение.

* * *

Первые *решительные* шаги навстречу сделала, как это чаще всего бывает, женщина. Улыбками, взглядами, речами.

— Сидор Иваныч, когда мы поедем в командировку? — спрашивала Лю.

— Да, когда-нибудь поедем, — отвечал Иванов.

— Вместе?

— Вместе.

* * *

Она домогалась его, а он говорил: «Иди домой! Тебя ждут». Тогда она стала зазывать его к себе на дачу. И однажды он сказал: «А я ведь приеду!»

Она ответила: «А я не боюсь».

Он приехал. Там-то все и произошло. В постели она называла его на «Вы». Проведя с Лю ночь, Иванов сделал ей предложение. Она отказала. Сказала, что пока не готова, надо, мол, подождать.

* * *

Две недели они практически не расставались.

* * *

Он провожал ее домой. Они шли по тенистой дорожке, которую она называла Аллеей Принца. Потом пошел дождь, который на время стал их домом. Они стояли и — счастливые! — целовались.

* * *

Конечно, Лю влюбила Иванова в себя.

А, добившись своего, сразу развернулась на сто семьдесят градусов и начала внедрять в сознание Иванова мысль, что это она *позволяет* ему любить ее. Это была ложь. Сначала он позволил ей восхищаться им.

* * *

Он влюбился в нее в том числе из-за того, что она смотрела ему в рот и пела ему панегирики. Без этого никакого чувства у него не возникло бы никогда.

* * *

Довольно распространенные слова, которые Иванов слушал от Лю в начальный период их отношений, были следующие:

— Ты — пассионарий.
— Любая женщина хочет родить от сверхчеловека. От такого, как ты.
— Мама сказала, что в тридцать семь лет у мужчины рождаются гениальные дети. И, видимо, ты в следующем году родишь от Сидора Ивановича.
— Ты должен писать. Ты — очень талантливый человек.
— Как классно ты говоришь по-французски!
И т.д.

* * *

Глупый Иванов попался на самую примитивную наживку-лесть, от которой у него закружилась голова.

* * *

Ничего нового, необычного в действиях Лю не было. Так ведет себя большинство женщин.

Иванов не осуждал Лю. Он понимал ее. И любил таковой, какая есть. В душе он улыбался ее наивным хитротям. «Как обаятельны для тех, кто понимает, все наши глупости и мелкие злодейства».

* * *

Зачем Лю стремилась влюбить Иванова в себя? Это была защита на жестокий взрослый мир, где она фактически была никому не нужна — без отца, без брата, без бой-френда, с пожилой мамой. Как это ни грустно, но двигали ей — на бессознательном уровне! — в основном прагматические мотивы (хотя и не только они). С Ивановым Лю почувствовала себя как за каменной стеной.

* * *

Иванов жалел Лю. Она рано лишилась отца, которого очень любила. Ее бой-френд оказался для нее не абсолютен. Денег не хватало. Ее литературные сочинения не вызывали ни у кого восторга. К тому же наметились

проблемы и в институте, который она еще отцу обещала окончить с красным дипломом.

* * *

Вместо всего этого мира — космоса — появился первый начальник. Он же — любовник. Он же — собеседник. Он же — жених. Он же — спонсор. Он же — человек, разбирающийся (как она считала) в литературе.

* * *

Способности Лю имела. Она могла бы стать талантливой писательницей. Но с ней надо было заниматься.

* * *

— Когда ты будешь проводить со мной литературные мастер-классы? — требовательно спрашивала Лю.

— Скоро, — отвечал Иванов.

И проводил с ней совсем другие мастер-классы.

* * *

Ее дача в подмосковном Краскове полюбилась Иванову больше, чем его собственная. На двадцати четырех сотках не было ни одной грядки, росли вековые ироничные, всепонимающие сосны, несерьезные кленики, грибы. Домик был щитовой, старый, ветхий, но очень уютный. Иванов и Лю топили печку, слушали музыку и говорили, говорили. Ночью она накидывала на голое подростковое тело шинель и — девчонка, девчонка! — убегала смотреть на звезды. Прижавшись к сосне, она смотрела на небо и звала Иванова к себе.

* * *

Иванов хотел спать.

* * *

Днем он рубил чурбаки, которые она ему подкатывала, затем они вместе жарили шашлыки, пили пиво и целовались, целовались.

Однажды за этим занятием их застал сосед Борис Абрамович.

— Продолжайте, продолжайте, молодцы! — одобрительно сказал пожилой, мудрый еврей. — А это, значит, и есть Игорь?

— Я не Игорь, — ответил Иванов. — Я другой. Превжных кавалеров здесь больше не будет. Я люблю Лю. И хочу на ней жениться.

Борис Абрамович одобрительно улыбнулся, а смущенная Лю убежала в дом.

Именно на даче, как нигде, Иванов проникал в Лю, сливался с ней воедино, считая ее своей последней любовью, а, может быть, и гипотетической гибелью. Он отдавал себе отчет в том, что взлетает (падает?) в космическую бездну отношений, а просто так из этой бездны еще никто не выходил.

Иванов действительно любил эту девочку, которая походила одновременно и на его мать, и на его бывшую жену, и на его дочь. Иванов любил в данном случае не только само чувство любви, не только самого себя в любви, он действительно любил Лю. Он начинал мерить жизнь, как поет Александр О'Шеннон, ее шагами.

* * *

Он стал разжигать костер. Подложил под мелкие, пропитанные влагой сучья сыроватую — какую нашел! — газету. Сверху навалил крупных поленьев. Поднес спичку. Костер потлел, потлел, но так и не загорелся.

— Давай я принесу щепок из дома, — сказала Лю.

— Нет, я все сделаю сам, — ответил упертый Иванов.

Он мучился с этим костром еще полчаса. Но все-таки разжег его. После этого — счастливый — поцеловал Лю.

И они стали пить ее любимое красное полусладкое «Арбатское».

* * *

Он решил в отношениях с ней идти до конца. «До конца, до смертного креста». Что бы ни случилось. Как бы ни было страшно расставаться со свободой, прежней жизнью.

* * *

Она пригласила его в очередной раз на дачу. Он выехал в семь вечера. Уже темнело. Он стал искать ее дом и безнадежно заблудился. Разные добрые люди посылали его в противоположные стороны. Он блуждал по Краскову три часа. Потом отключил куцее человеческое сознание. И пошел, точно волк, на запах. По наитию. Через полчаса, не различая номеров домов, он открывал знакомую калитку.

* * *

Утром они пошли на электричку. По дороге к калитке Иванов заблудился в дачных соснах и кленах.

Она взяла его под руку и сказала:

— Теперь мне ясно — без меня этот человек пропадет.

* * *

Он называл ее разными именами. Лю, Люба, Любанька, Малыш, Детка.

На работе чаще и чаще — Люба. Лю звучало слишком экзотично.

* * *

С их первой ночи на даче они практически не расставались. Они и работали вместе, и жили вместе, а если на какое-то время разъезжались по своим квартирам, то часами тр(еп)(ах)ались по телефону.

* * *

Они были бес-конеч-но интересны друг другу. А поскольку еще никто не придумал лучшего способа познания,

чем секс, они изучали анатомические особенности друг друга с нечеловеческой энергией.

* * *

Тело юной Лю было настолько совершенно, изящно, молодо, излучало такую нездешнюю энергию, что Иванов обретал вторую молодость и легко поддерживал заданный подругой сексуальный темп.

* * *

Тело девчонки пахло молоком, детством.

* * *

Иногда он называл ее дочкой. Она постоянно рассказывала ему об отце. А однажды призналась: «В своем желтом пиджаке, который ты, к сожалению, почему-то так редко надеваешь, ты очень похож на папу».

* * *

Связь становилась роковой.

* * *

В первые дни совместной жизни Иванов был в постели предельно нежен и мягок с Лю. Затем она призналась:

— Я привыкла к другим отношениям. Будь агрессивнее. Я люблю жестокие игры.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Иванов.

— Прошу тебя, когда в следующий раз будешь трахать меня сзади, сильно-сильно схвати меня за волосы. И вообще, делай что хочешь, придумывай, проявляй активность.

Никогда раньше Иванов с подобными вещами не сталкивался. Но очень быстро вошел во вкус.

— Изнасилуй меня! — кричала Лю на всю квартиру, пугая робких соседей.

И Сидор в самом деле насиловал ее, бил рукой по щекам, заламывал руки, становясь озверевшим маньяком и деспотом.

Однажды в ванной он.....

.....

.....

* * *

Она сказала: «Спасибо тебе. Наконец-то мне не нужно никого ни о чем просить. Ты все придумываешь сам».

* * *

В один из выходных Сидор, увлеченный раскованными игрищами подруги, купил в секс-шопе огромный каучуковый член. Он стал любимой игрушкой Лю, хотя поначалу она не признавалась в этом даже себе.

— Что ты чувствуешь, когда я тебя трахаю им? — спрашивал Иванов.

— Он какой-то ненастоящий, но кайф можно получать и от него.

* * *

Больше всего в жизни Лю обожала смотреть порнографические журналы.

— В них сразу — столько действия. Меня это «заводит». Не то что секс-фильмы. В них нет динамики.

При этом Лю ревновала Иванова к порнушным фото모델ам.

И если Иванов говорил, что ему нравится та или иная девчонка из журнала, Лю тут же обливала их грязью.

* * *

Лю не могла без секса. Если Иванов не трахал ее несколько раз на дню (и особенно утром), она становилась похожей на мегеру и злилась на весь белый свет.

* * *

Иногда неюный Иванов тревожно смотрел в будущее: а что же будет дальше? Он никогда не забывал, что старше ее на пятнадцать лет.

* * *

В перерывах между сексом, работой и бесконечными разговорами, они обустроивали жилище. Сначала они — по инициативе Лю — хотели купить загородный дом (и даже просмотрели несколько вариантов в Краскове), потом решили оборудовать надлежащим образом квартиру Иванова.

По требованию Лю Сидор полностью обновил кухню, навесил полки, мойку (как у нее дома), купил стиральную машину «Bosh», вызвал мастеров, которые поменяли все краны, починили диван, шкафы.

* * *

Они гуляли по вещевому рынку и смотрели, что им еще нужно в хозяйстве. Купили прищепки.

— Они необходимы, — сказала Лю. — На них будем вешать рубашки после стирки.

Купили шикарный утюг «Siemens», дюралевые кастрюли и тефалевые сковородки.

* * *

Лю превосходно готовила. Рыбу и чахохбили, салаты и омлет, жареную картошку и голубцы... А еще они покупали конфеты «батончики» и уплетали их за обе щеки.

* * *

Разговаривали они буквально обо всем.

Друг о друге — о жизни и смерти — о Кортасаре — о жизни в романах Кортасара — о смерти в романах Кортасара — о любви и ненависти — о ненавистной любви — о любовной ненависти — о Мазохе — о де Саде — о земле и небе — о сексе — о — о — о — Борхесе — Маркесе — Марксе — Ницше — Георгии Иванове — Бидструпе — Гребенщикове — Майке — «Адо» — Башлачеве — Визборе — Городницком — Суханове — Веронике Долиной — Дольском

— Кате Горбовской — сослуживцах — родителях — родственниках — друзьях и подругах — ее бабушке Милочке — о библейских сюжетах — о разнице между православием и католицизмом — о Пушкине — Баратынском — Броделе — борделях — Гумилеве — Волошине — Кедрове — Джангирове — Дидурове — О’Шенноне — Бирюкове — профессоре Зайцевой — ректоре Садовничем — Сорокине — Пелевине — Гене Калашникове — Татьяне Бек — Жене Свитневой — компьютершике Сереге, похожем на медвежонка — даче — соседях по даче — опять о религии — ее дипломе — его творческих затеях — о быте.....

.....

.....

* * *

Они не могли не общаться. И секс, кстати, тоже был всего лишь видом общения, способом познания друг друга, методом постижения в близком человеке неизведанных черт.

* * *

Лю рассказывала о себе многое. О том, как начала жить половой жизнью с пятнадцати лет и долгое время встречалась (вместе со своей подругой) с тридцатипятилетним мужиком, как одновременно трахалась с двумя мачо, как спала со своей лучшей подругой Наташкой, как в семнадцатилетнем возрасте в течение года развлекалась (по очереди) с пятью парнями («если бы залетела, даже не узнала бы, от кого»), как сама выбрала своего Игоря во время автобусной поездки в Ярославль.

— Я должна была пройти через все, — однажды сказала Лю Иванову, — чтобы уже не изменять своему мужу.

* * *

Она выбирала сама — с кем ей спать, с кем жить, что делать? Она никогда не «снямалась», не выходила на па-

нель. Но «снимала» сама. И отжимала от мужиков все. Игорь ее фактически содержал, одел-обул, возил за границу. Как только Лю получила иной источник финансирования, она его вышвырнула. Содержать стал Иванов.

* * *

Деньги значили в жизни Лю многое. Впрочем — не все.

* * *

Секс — ложь — бесы.

* * *

Она была предельно откровенна с Ивановым:
— Родители сдерживали меня. Пытались вразумить. Это меня еще сильнее раззадоривало. Год во мне жил дьявол.

* * *

Иванов знал, что все ее нынешние беды оттуда, из рокового, дьявольски-развратного, безбожного детства.

* * *

Про Игоря она почти не вспоминала. Разве иногда:
— Он был очень близким мне человеком. Но не всегда понимал меня. Он слушал меня, спорил со мной, например, о Ницше, но его знания были на примитивном уровне, дискутировать с ним я не хотела. Он «заводился», обижался. Конечно, сейчас, после того, как я пообщалась с тобой, другими нашими коллегами, мне было бы с ним совсем трудно. Он не знает нюансов языка, как вы.

* * *

Каждый день Лю звонила маме и говорила:
— Мамуля, не волнуйся. Я у Сидора Иваныча. Я счастлива.

* * *

По утрам они вместе ехали на работу. Лю приходила первой, Иванов — вторым. Он специально минут пятнадцать ходил по магазинам, чтобы появиться на службе немного позднее нее.

* * *

Работником Лю была хорошим. Она схватывала все на лету. Быстро освоила компьютер, Интернет, даже научилась новости размещать на сайте. Она молниеносно перенимала все лучшее и от Иванова, и от его коллег.

* * *

Секс продолжался и на работе. В прямом и переносном смысле.

— Лю, иди сюда! — жестко и даже жестоко говорил Иванов. — Подготовь письмо от моего имени в Стройнадзор.

— Лю, поедешь *брать* интервью у заместителя министра. Запиши телефон.

И т.д.

Она послушно кивала головой.

Иванов на работе говорил исключительно в императиве. Равно как в постели.

* * *

Вечерами под различными предлогами он оставлял ее. Они занавешивали шторы, закрывали дверь. Она наклонялась над обеденным столиком или диваном.....

Либо она подходила к его рабочему месту, расстегивала ему брюки.....

* * *

Иногда Лю не могла дождаться вечера и даже днем (когда остальные сотрудники куда-то выходили) безрассудно-рискованно приближалась к нему — садилась к нему на колени — задирала юбку, обнажая свои длинные роскошные ноги и цепко целовала его в губы. У Иванова пьяно кружилась голова.

* * *

Никто на работе почему-то не догадывался о связи Иванова с Лю. И многие сотрудники крыли начальника — а начальников кроют всегда! — в беседах с ней. Эти беседы она потом, как верный агент Моссада, слово в слово передавала ему.

* * *

Секс в тепличных домашних условиях был по-прежнему садомазохистским. Иванов хватал подругу, точно неандерталец, за волосы, шлепал — все сильнее и сильнее — по заднице. Она подползала к нему на коленях и ворковала:

— Ты мой повелитель. Что ты хочешь? Я сделаю для тебя все.

— Что ты должна делать в этой жизни? — по-хан(м)ски спрашивал Иванов, зная что она должна отвечать.

Она говорила. И делала.

* * *

Друг Иванова, поэт Серега Арутюнян, говорил:

— Твой мир стоит на двух словах — Я и ХОЧУ. Всего остального для тебя не существует. Логики в твоих поступках нет. Фактически, ты первобытный человек. Этим и интересен. От того, кто с тобой соприкасается, только перья летят!

Ты абсолютно не боишься — в отличие от большинства людей! — жизни.

Иванов самодовольно улыбался, хотя и понимал, что Серега преувеличивает.

* * *

Иванов и Лю трахались по три-четыре часа в день. Иногда девчонка уставала и еле-еле выдерживала натиск нестарееющего развратного Иванова. Ему все было мало и мало. Тогда Лю придумывала разные эротические хитрости.

Когда он трахал ее третий час подряд, она начинала шептать:

— Спасибо тебе. Мне так понравилось, что ты.....

.....

Впечатлительный Иванов не выдерживал и разряжался.

* * *

В их отношениях, как в отношениях всех влюбленных, было много нездорового, болезненного.

Влюбленность — равно как наркотики, водка — попытка спрятаться от жизни.

* * *

Творчество — попытка излечиться от влюбленности.

* * *

Здоровый, сильный человек не влюбляется. Он просто имеет половое влечение и размножается.

* * *

Его старший брат выпивал в день шесть бутылок водки. И погиб от алкоголизма.

Ее старший брат в свое время хипповал на Арбате. И до сих пор курил марихуану.

Иванов и Лю были из одной — единосрядной! —

породы людей. Он — поклонник Ганди, Чижевского и близкий знакомец академика Исакова — был убежден, что они с Лю ближайšie родственники.

* * *

Больше всего им понравилось трахаться на даче у Махмуда Сахитова, школьного друга Иванова.

Махмуд был крутым. Работал директором завода. Построил себе дом в черте Москвы — в Косино.

Он пригласил их как-то на выходные. Натопил баню. Поставил трехлитровую банку башкирского меда.

Они тщательно и сладострастно обтирали друг друга. Парились. Трахаться начали в парилке, а потом продолжили в предбаннике. Лю еле-еле сдерживала крик.

* * *

На следующий день Лю — нежная, хрупкая малышка! — заболела. Когда вернулись домой, в Кузьминки, Иванов накупил самых лучших лекарств и начал ее выхаживать.

* * *

Ложась спать, он всегда ей читал стихи, особенно своих любимых Гумилева, Волошина, Цветаеву, Кедрова, Джангирова...

* * *

Они не расставались ни на минуту. На работе проводили вместе до десяти-двенадцати часов, потом ехали к нему (или к ней) домой. Если с дачи возвращалась ее мама и не было желания (или сил) ехать к Иванову, они по три-четыре часа ежедневно тре(а)п(х)ались по телефону.

Они становились единым целым.

* * *

Они ходили по книжной ярмарке в Люберцах. У Лю был День Ангела. Иванов сказал:

— Выбирай себе любые фолианты. Это мой подарок.
Они купили Пелевина, Сорокина, русско-испанский словарь, другие книги.

* * *

Потом гуляли по дворам. Нашли какое-то огромное поваленное дерево. Уселись на его. Пили пиво. Разговаривали. И целовались.

— Это и есть счастье! — сказала Лю.

* * *

Когда они помирились после какой-нибудь мелкой бытовой ссоры, она кидалась ему на шею и говорила:

— Спасибо тебе, ты вернул мне любовь. Иначе мне было бы невозможно жить.

* * *

Она открывала ему Кортасара, которого боготворила, малоизвестную ему страну рок-поэзии Башлачева, Майка, БГ, группы «Адо».

* * *

Иванов и Лю постигали мир глазами друг друга. Каждый из них был друг для друга лучшим инструментом познания.

— Я понимаю ситуацию, только тогда, когда говорю с тобой, — признавалась Лю. — Слава Богу, ты такой же болтун, как и я. Тебе тоже нравится общаться.

* * *

Поначалу Лю рассказывала о своих бурных, изощренных романах, которые происходили с ней в юности. Потом Иванов научил ее жалеть друг друга.

Лю понимала все с полуслова, дважды просить ее ни о чем не приходилось.

— У меня вообще никого не было, — однажды сказала

Иванову добрая и гуманная Лю. — Ты не только мой первый начальник, но и первый и единственный мужчина.

* * *

Махмуд Сахитов говорил: «Эротическое чувство, сразу возникающее между людьми, говорит только о том, что у них могут быть здоровые дети».

* * *

Иванов думал: а что на самом деле объединяет его и Лю?

1. Мистика. Они увидели друг друга в коридоре компании и сразу *узнали* друг друга.
2. Психозифизическая совместимость. Хотя бы первые два месяца она была полной.
3. Многообразный материальный вопрос. Почему сорокалетние влюбляются в двадцатилетних? В частности, из жадности. Взрослым мужикам — интуитивно! — неохота тратить большие деньги на то, что они могут получить даром. У тридцатилетних женщин уже очень много проблем со здоровьем (в том числе гинекологических). Родить — это для них тяжелейшая — со смертельным риском — работа. Завоевывая двадцатилетнюю, тратя на нее деньги и нервы, сильный самец подсознательно (а то и сознательно) отдает себе отчет в том, что это все равно выгоднее, чем потом тратить деньги на дорогостоящие предродовые (послеродовые) операции тридцатилетней и на воспитание слабого (ослабленного) ребенка.

Иванов и Лю не отличались богатством. Но имели — вместе! — все, что нужно для обеспеченной семейной жизни. У него была нормальная трехкомнатная квартира. Он мог купить машину. Рядом с его квартирой находилась ее дача, где им было очень-очень хорошо.

4. Временной аспект. У Сидора Ивановича, как бы сказал Александр Сергеевич, пора пришла.

* * *

А вот у нее, видимо, нет.

* * *

Что такое земная любовь?

Активизация неведомого вируса? банальная шизофрения? вершина невротическо-эротического состояния? какая-то другая тяжелейшая болезнь? безнадежная попытка уйти от действительности? счастливая возможность написать новое стихотворение или рассказ? борьба за сохранение рода? вариация садомазохизма?..

* * *

Подруга Иванова — талантливая Лена Горицкая — говорила: «Любая любовь плохо заканчивается».

* * *

Иванов не отрицал ни одного определения. Но знал точно: он жалел эту девочку, заботился о ней, обучал ее всему, что знал.

* * *

Они уже не могли обходиться один без другого. Они постигали души через тела друг друга, а тела — через души. «Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенья...» Наверное, этими стихами Поэта можно было охарактеризовать их отношения в тот период.

* * *

Эротические чувства Лю усиливались, когда к ним кто-то приходил в гости — либо Леша, мастер, делавший в квартире Иванова ремонт, либо соседка Наташка. Когда у них неделю жил писатель Боровиков, они просто не вылезали из койки.

Когда измочаленный Иванов садился за компьютер чтобы подправить написанный ею для газеты текст, она пристраивалась рядом и.....
.....
.....

* * *

Странно: а вот детей от Иванова она хотела не сильно, то есть, даже говорила, что вообще не хочет в скором времени рожать. Однако довольно часто они совершали акты, не предохраняясь, так что на сто процентов Иванов ей не верил. Но все равно страдал. И даже цитировал ей по этому поводу неплохие стихи Фёдора Мальцева.

* * *

*Ты не хочешь детей. Вот такая крета
У тебя в голове воцарилась — сурова.
Я могу тебя трахать четыре часа.
Но не вижу теперь в этом смысла большого.
Лучше поговорим. Будем долго чесать
Языками, открыв речевую запруду.
Я могу тебя трахать четыре часа.
Но не буду, не буду, не буду, не
буду!*

* * *

Лю смеялась. И говорила: «Напиши лучше — «нет, буду!» Так будет четче выражена твоя мысль. А вообще, стихотворение хорошее. В нем есть страсть, в отличие от других опусов Мальцева».

* * *

Однажды — после очередной ссоры — она позвала его погулять в парк Новодевичьего монастыря.

* * *

Они гуляли. Он думал: зачем она его сюда пригласила? Он смотрел на мощные ограды монастыря и понимал: эти — скорее, символические! — стены, прежде всего, призваны ограждать монахов от демонов, от искушения, а не от набегов внешних врагов.

* * *

Враги — только внутри нас.

* * *

Они гуляли, болтали, целовались. Было прохладно. Вокруг бродили другие парочки, много молодежи.

— Я бы тебя *поцеловала*, — сказала она. — Но, увы, здесь очень много народа.

* * *

Она спряталась за полу его длинного американского пальто. Они стояли, опершись на березку, и потихоньку трахались. Он кончил в нее.

— Какая у тебя липкая, клейкая сперма, — сказала она. — Не отдерешь потом.

* * *

Она посвятила Иванову стихи.

*Разломи мои колени и войди в меня
Одним жутким раздирающим ударом.
За волосы ухватив, запрокинь мою голову назад.
Внейся жадными губами в приоткрытый рот.
С торжеством и яростью загляни в мои глаза —
В них ужас перемешан с восхищеньем.
Ты жесток, ты обезумел, повелитель мой.
Я трепещу. Я умираю. Я — твоя!*

* * *

Однажды они ехали вместе на метро на работу, как вдруг в вагон вошел их коллега Юрка, специалист по Интернету.

Лю начало трясти.

На работе она незаметно передала Иванову записку.

«Давай, — писала Лю, — ты при Юрке, но пока не вернулся Владимир Юрьевич (тоже их коллега, журналист. — **Автор**), скажешь мне, что мы с тобой сегодня уйдем на 15-20 мин. раньше, т.е. поедем к Олегу на Арбат. Типа есть для меня работа.

На самом деле меня трясет. Ты заметил, как Юрка со мной общается? Он же считает меня!..

Я считаю минуты — сколько еще будет длиться этот рабочий день.

P.S. Солнышко, у тебя глаза еще от компьютера не болят? Побереги их».

* * *

Поехали на Арбат. А потом к ней домой — мама была на даче. Трахались. У трюмо и на столе, в коридоре и на кухне. Почему-то меньше всего Иванов возбуждался в постели. И, ложась спать, даже пытался отлынивать от выполнения мужских обязанностей. Но с Лю такие номера не проходили.

* * *

Утром Лю позвонила на работу и сказала Владимиру Юрьевичу, что задержится. Через пятнадцать минут позвонил Иванов и тоже сообщил, что приедет позднее.

* * *

На работе было много дел. Лю бросала на Иванова нежные взоры, но он был занят — сдавал очередной номер газеты.

Лю незаметно передала Иванову записку.

* * *

Служебная записка

Начальнику отдела рекламы и маркетинга ОАО «Головкер и братья»
С.И. Иванову

Уважаемый Сидор Иванович!

Может, покурим, а?

**Ведущий специалист
Лю Такинава**

* * *

Конфликты начались неожиданно. Головкер тоже влюбился в Лю. Стал таскать ее с собой на различные мероприятия в качестве пресс-секретаря. И однажды даже настойчиво предложил поехать с ним в командировку в Петербург, куда вообще-то собирался отправиться Иванов.

Об этом предложении Лю сообщила Иванову. И попросила: «Возлюбленный мой, спаси меня!» При этом Лю рассказала: «Головкер крыл тебя почему зря, говорил, что ты не умеешь писать, не в состоянии эффективно заниматься рекламой. А в Питере, мол, тебе и вовсе делать нечего. Ты хочешь поехать туда, чтобы только попить водки...» Головкер, по словам Лю, предложил ей заниматься рекламой и PR.

* * *

Иванов начал набирать номер телефона главного начальника, решительно готовясь его измордовать. Но Головкера не было на рабочем месте. День... два... три. Или просто секретарша не соединяла. Иванов кричал на каждом углу, что разорвет наглого босса на части. Об этом конфликте

многие узнали. И, конечно, донесли главному начальнику. Он и Иванов потом не разговаривали два месяца.

Интереснее, неожиданнее всего повела себя в данной ситуации Лю. Когда Иванов спросил ее: «А можно я скажу начальнику, что ты моя невеста, гражданская жена?», она ответила: «Я тебе не невеста! И не гражданская жена».

Вот тогда-то Иванов и призадумался.

* * *

Ситуация с Головкером как-то рассосалась сама с собой. В Питер не поехал никто. И выяснять отношения стало бессмысленно.

* * *

Вскоре Иванов понял, что инициатором бесед с Головкером была сама Лю. Он только поддержал ее в негативном отношении к Иванову.

Она очень хотела сделать ему больно. Она его действительно любила.

* * *

То, что она рассказывала Иванову, было полуправдой. А это, как известно, хуже лжи.

* * *

Иванов не исключал, что Лю спала с Головкером. Ей было бы трудно пройти мимо такого приключения. По крайней мере, влюбить в себя Головкера она пыталась.

* * *

Иванов вспомнил, как во время разгара событий с Головкером, когда Лю бегала с ним по коридорам Думы и брала у всех депутатов интервью о грядущем строительном законе, который проталкивал Головкер, она позвонила Сидору, и они долго обсуждали эту ситуацию. Сначала она крыла почем зря главного босса, обвиняла его в

черствости — «даже ни разу меня не похвалил!» — в слабости и неумении вести себя с депутатами — «он им угрожал, а они не испугались» — и т.д. Театрально жаловалась, как ей это все надоело. И потом вдруг проговорила:

— Мама сказала, что бабушка мной гордилась бы.

— Почему? — удивился Иванов.

— Ну, потому что я хорошая журналистка, — начала выкручиваться Лю.

Это опять была ложь. Лю безумно нравилось, что она блистает и в Думе, что и там она пользуется успехом, что сам Головкер потерял из-за нее голову. Это не могло не льстить ее девичьему самолюбию.

Иванов сделал вид, что не понял истинной подоплеки ее слов и охотно согласился с тем, что она, в самом деле, хорошая журналистка.

А сам только улыбался. Он очень хорошо помнил, что все ее интервью переписывал либо он сам, либо Владимир Юрьевич. Ее работа сводилась к тому, чтобы включить диктофон, а потом расшифровать сказанное (а это может сделать любой первокурсник журфака).

* * *

Сильные разлады продолжились накануне Нового года. Иванова пригласили в Бельгию на юбилей Университета, где он в свое время учился. Они с Лю договорились, что он поедет один. И он уехал, не взяв ее с собой. Она осталась одна, ненавидящая целый мир и не желающая жить. Она смотрела в окно со своего восьмого этажа и думала: прыгать вниз или не прыгать?

* * *

Она не прыгнула. Решила жить и ждать Иванова. А он даже не позвонил ей из-за границы, да и приехал с опозданием на три дня.

И хотя он позвонил 31 декабря в Москву и поздравил маму Лю с Новым Годом и предупредил ее, что задержится

на три дня, и хотя он предупреждал ранее Лю, что никогда никому не звонит из-за границы, он, конечно, серьезно обидел свою малышку.

* * *

Номер телефона брата (она у него в Казани встречала Новый год) Лю Иванову почему-то не дала.

И он даже не смог ее поздравить.

* * *

В Казани она провела неделю.

* * *

На обратной дороге, в поезде, к ней приставали какие-то хачики. Она столько перенесла!

* * *

Именно после Нового года Лю стала смотреть на Иванова по-другому. Флер романтических отношений окончательно развеялся, она поняла, что Иванов — обычный человек, отнюдь не супермен, коим он ей ранее казался.

* * *

Когда он вернулся в Москву и позвонил ей, она сказала:

— Я не люблю тебя. Раньше я притворялась. Ты красивый и толстый. В Интернете ты ничего не понимаешь, как руководитель ты слабый, выпускаемую тобой рекламную продукцию все костерят, квартира твоя неухоженная, жить в ней невозможно, да и вообще с тобой очень трудно.

Она еще долго говорила. Иванов пытался ее образумить. Но она была непреклонна.

Она продолжала:

— Твои стихи и рассказы мне совсем не нравятся. Ну, разве, некоторые. Книжек хороших у тебя нет. Ты

говоришь по-французски и по-английски, как будто ругаешься. Я порвала отношения со своим бывшим парнем. Но он есть. Он тусуется. Он заходит. Ты не хозяин жизни. Ты даже не водишь машину. А вот у моего брата — «Мерседес». И квартира у него крутая, правда, в Казани. Тебя никто не любит. Даже твои друзья, с кем ты работаешь, тебя костерят почему зря. (И она стала рассказывать, что об Иванове говорят его подчиненные.) Тебя терпеть не может Головкер, он считает, что ты бездарь, а лучше всего работу делаю я. Мне он предложил все твои проекты. Ты придираешься по мелочам, а сам ни в чем не разбираешься. Я считаю, что руководитель должен сам уметь делать то, что он заставляет делать подчиненных. Мне даже говорить с тобой с глазу на глаз не нравится. Нравится — только по телефону. Вот, правда, в сексе ты хороша. И, наверное, это нас и объединяет. Помнишь, как у Довлатова? «Их объединял разврат и интеллектуальная близость». Я не считаю, что разврат — это плохо. Жить с тобой невозможно. У тебя нет даже шкафа для сменного белья. Плохо оборудована кухня. Ты мне безразлична. Единственное, что меня интересует — это чтобы мне не урезали зарплату. Работа мне нравится.

* * *

Иванов был мягким человеком и очень терпеливым. Он слушал девушку, успокаивал ее, понимая, что у всех свои недостатки.

* * *

Потом разговор пошел и вовсе странный.

— Я вспоминаю с усмешкой, как ты сказал, что это ты здесь, в отделе, все придумал, — сказала Лю.

Этого Иванов не понимал. Ведь это он действительно создал газету. Он отобрал ее у конкурентов. Он собрал свою команду. Он отвечал за все. Он заменил типографию. Он сам первоначально прошел все стадии работы.

Он сам писал тексты, знал верстку, корректуру. Он ходил с Лю на интервью, задавал вопросы, потом переписывал ее материалы, а она подписывала их своим именем.

Это все забылось.

Он занимался сайтом. Он сам искал новости, пока Лю болела, а болела она постоянно.

Ему было обидно. Она не понимала многого.

Он требовал от нее и от верстальщика Сережи четкости в работе. Заставлял проверять ошибки. Они делали абы как — лишь бы отстали. Путали тире и кавычки, забывали пробелы, допускали опечатки. Лю не понимала, что в рекламе, издательском бизнесе, журналистике, в искусстве в целом нет мелочей. Они только насмеялись над ним и распространяли слухи о том, что он самодур. Этого он не мог ни понять, ни принять.

* * *

Через два дня — после каникул — они встретились на работе. Она первой пошла на примирение. И, обнимая его вечером в кабинете, смеялась: «Я этого не говорила! Я очень тебя люблю!» И — вручила Иванову новогодний подарок — ручку «Parker».

* * *

Через неделю конфликты повторились. Теперь девушка стала настраивать против Иванова всех его подопечных, говоря им, что Иванов над всеми вознесся, сам ни черта не понимает и разваливает работу. При этом она стала демонстративно кокетничать, а потом и уходить (и приходиться) вместе на работу с Сережкой, которого Иванов взял на службу, после того, как его поперли из другого отдела.

Иванов не знал, что делать.

Он понял, что им манипулируют, что с ним творят нечто ужасное. Он попросил девушку уйти со службы.

Она отказалась. И тут Иванов рассердился. И настоял на своем.

Когда девушка написала заявление, Иванов предложил ей: «Хочешь, я тебя в другой отдел переведу или на другую работу устрою». Девушка отказалась. Правда, сказала: «Так меня никто, как ты, не любил и любить не будет!»

* * *

На следующий день девушка стала распространять информацию, что Иванов домогается ее, а она не может ответить ему взаимностью. Поэтому, дескать, он нервничает и всех терроризирует на службе.

С Ивановым она общаться перестала. Только выполняла его поручения. Когда он узнал, что пропаганда против него продолжается, он позвонил ей и договорился о встрече.

Они встретились. Он попросил ее больше никого против него не настраивать. Он дал понять, что в противном случае он примет меры.

Девушку он отправил в студенческий отпуск.

* * *

Они опять встретились на работе. Когда люди ушли на обед, она эффектно отдала Иванову ключи от его квартиры. Он побледнел и в состоянии аффекта сказал:

— Наверное, нам будет трудно с тобой работать. У тебя хорошие отношения с генеральным директором, он тебя — не сомневаюсь — куда-нибудь пристроит. Я бы не хотел, чтобы ты оставалась в отделе. Тем более что ты не член моей команды. А все, что здесь происходит, придумал я. Мне нужны единомышленники, люди, выполняющие свои служебные обязанности.

— А я их не выполняю?

— Я без тебя могу на работе обойтись.

Заявление Лю не подала.

* * *

Она обиделась. Она была в недоумении. Иванов понимал — почему. Потому что фактически эта история была репетицией развода и раздела имущества. «Я тебя

разлюбила. Уходи ты. Даже если это твоя квартира», — такие слова должна была бы сказать Лю. Иванов это понял и на следующий день попытался смикшировать ситуацию.

— Я сказал в сердцах, чтобы ты уходила. Наверное, уйти надо мне.

— Но сначала ты сказал, чтобы ушла я, — кипятилась наивная Лю.

* * *

Они опять остались вместе. Уже не в качестве мужа и жены, не в качестве страстных любовников, не в качестве друзей, а только в качестве коллег — начальника и подчиненной, все чаще и чаще ненавидящих друг друга.

* * *

Лю стала работать лучше, но при этом то и дело кокетничала с мужчинами из отдела, оставляла у Иванова на столе свои любовные записки некоему Алексею из Думы, говорила кому-то по телефону: «Твоя Лю». И т.д.

* * *

Иванов весь ушел в работу. Но ему было очень плохо. Он понимал: большое чувство ушло от него, любовь к другому человеку — к Лю — умирала, но теперь в его жилах просыпалась страстная, умопомрачительная любовь к себе. Этот вид любви еще называется ревностью.

— Как же так, — думал Иванов, — я здесь хозяин, я первый парень в нашей «деревне», а провожает ее домой другой.

Иванов не знал, что делать. Уничтожить нового верстальщика? вытравить Лю из своего сердца? уволить ее? уволиться самому?

Он приобрел бессонницу, перестал нормально есть, выкуривал за раз по десять сигарет, сердце вываливалось из ребер, как сумасшедшее. Он был на грани нервного и физического истощения, обморока.

* * *

Иногда ревность сильнее любви.

* * *

Потом они опять пошли на примирение.

* * *

Он проводил ее домой. Они целовались возле ее подъезда, и он попросил ее:

— Укуси меня.

Он не верил своему счастью. Он не верил, что это не сон.

* * *

Вскоре она простудилась. Взяла больничный. Они опять общались только по телефону. Иногда он заезжал к ней, привозил фрукты. И писал письма. Например, такое.

* * *

Милый малыш, привет!

Очень грустно, что ты болеешь. Надо срочно поправляться. Я тебе от всей души этого желаю.

В последнее время мы занимались традиционно русским — бессмысленным и беспощадным! — видом спорта — соревновались в том, кто больше скажет друг другу гадостей. Мы точно забыли, что в этих состязаниях не бывает победителей. Проигрывают все. Зло, извини за банальность, рождает только зло. Волна отрицательной энергии — по закону цепной реакции — вызывает другую волну отрицательной энергии. Так — постепенно — образывается некий водоем отчуждения, в котором очень легко утонуть.

Тонуть не хочется. Хочется, как писал Поэт, жить, чувствовать, любить, свершать открытия! И это возможно, это реально!

*Поправляйся скорее, впереди много дел, впереди много...
Обнимаю тебя.*

Твой С.И.

* * *

Отношения с подчиненными у Иванова складывались нормально. Особенно раньше, до прихода в их отдел Лю. Дело в том, что она передавала ему в нюансах все кулуарные беседы. Иванов с изумлением узнавал, что его ближайшие друзья, которых он пригласил на работу, за глаза крыли его почему зря, что все тайные разговоры, которые они вели с Ивановым, они затем пересказывали Лю. Иванов заметил: Лю обожает, когда Иванов с кем-то ссорится. Ей были необходимы непридуманные страсти, ненависть одного мужчины к другому.

* * *

Они разговаривали по телефону. И опять поссорились. Ни с того ни с сего.

Она говорила:

— Ты разваливаешь коллектив. Ты уволил программиста, ты ругаешься с редактором газеты, ты решил заплатить ему в этом месяце меньше, чем обычно, он тебя за это ненавидит, ты ничего не понимаешь в Интернете, а берешься давать подчиненным указания, тебя никто не любит, даже те наши сотрудницы, которые «чирикают» с тобой, на самом деле просто в силу большого производственного опыта приспособились к тебе...

Иванов недоумевал.

— А почему я должен платить редактору обычную сумму, если он в номере допустил ряд серьезнейших ошибок, опечаток, из-за которых тираж газеты фактически пошел под нож? У меня есть только один эффективный способ воздействия на подчиненных — деньги. Никакие мои эмоциональные способы не работают. Но вот если я

разок не заплачу в полном объеме, мои аргументы станут понятнее. Финансовую мотивацию никто не отменял даже в советском газетном мире. А наша нынешняя контора и вовсе не собес.

— Отчасти ты прав. Но я все равно не на твоей стороне. Мы по разные стороны баррикад, — отвечала Лю. — Ты угнетающий, а мы угнетаемые. И у пожилого человека — редактора газеты — могут быть свои взгляды. Он считает, что если ты обещал ему определенную сумму, то обязан ее выплатить.

— Выходит, ты не со мной?! — кипятился Иванов. — А с другими? Понятно. Просто и ты, и твой редактор — вы оба — непрофессионалы. И поэтому ненавидите меня. А ты еще и подливаешь масла в огонь, рассказывая мне все сплетни.

— Но это нечестно, нечестно, — закричала Лю, — ты сам их из меня выпытываешь. — Это нечестно, нечестно! Она заплакала и бросила трубку.

* * *

Недоразумение. Усталость. Нервный спад.

И — крах.

И — прах.

Как тяжело рождаться вновь.

* * *

Иванов с Боровиковым ездили в гости к поэту Лисину. Чудесные, прекрасные люди, говорящие умные слова. Иванова огорчало одно: ее не было рядом. Тогда — зачем — все?

* * *

Иванов пытался дозвониться до приятеля. А пальцы сами набрали ее номер. Поговорили. Но очень холодно.

* * *

Она тоже страдала. Игорь не возвращался. Серега не мог соответствовать — полностью — ее идеалам. Лю стала очень плохо выглядеть. Ее не самые привлекательные черты лица вдруг приобрели резкие очертания. Она хмурилась, как дегенератка, брови. Уши стали еще более оттопыренными, а лицо — одутловатым.

Она постоянно болела. И все больше и больше времени проводила на больничном.

У нее изменилась речь.

— Серега, свистни.

— У меня стрелка.

— Что за наезды?

И т.д.

* * *

Однажды Иванов отчитывал ее и Серегу за плохую работу над сайтом. Она как-то несуразно оправдывалась. И вдруг... заплакала.

У него чуть земля из-под ног не ушла. Ему стало, наверное, больнее, чем ей. И он понял, что он не хочет ее слез, не хочет, чтобы ей было больно, что в его чувстве к ней нет ни капли садизма. Он понял, что по-прежнему любит ее и жалеет.

* * *

В тот же день Иванов сел дома за компьютер. И написал Лю письмо, стремясь в очередной раз выяснить отношения.

Он долго его правил, переделывал и только под утро завершил.

— Дорогая Лю, — писал Иванов, — наши отношения делятся довольно долго. В июле будет год, как мы знакомы. Был период (довольно длительный) когда мы очень неплохо (помнишь еще такое выражение?) друг к другу

относились. Потом наши отношения перешли в фазу: начальник-подчиненная. Но отношения все-таки остались. На полный их разрыв мы интуитивно не пошли оба. И ты, и я. Потребность друг в друге, как показывает жизнь, осталась. И, как ни забавно, многие атрибуты совместной жизни у нас сохранились. Мы по-прежнему видимся почти каждый день (кроме выходных), делаем общее большое дело (сайт и газету), ездим на интервью, доводим (правда, окольными путями) друг для друга какую-то информацию, общаемся, пьем на отдельных вечеринках — так садомазохистски чокаясь! — шампанское и вино, и т.д. Преподобней любви (она всегда видоизменяется) между нами в данный момент нет. Одно время я даже думал, что чувство любви потеряло вообще для тебя значение, и ты спокойно можешь без него обходиться. Похоже, я ошибался. По-моему, ты очень нуждаешься в любви (равно как и я).

Теперь в наших отношениях намечается новая фаза. Она по традиции связана с конкурентной борьбой. Если раньше моими соперниками были одни — хорошо тебе известные — персонажи, теперь соперником стал Серега, наш новый сотрудник. О Сереже. Это чистый, ленивый, добродушный человек, про которого Есенин, наверное, написал бы так: «Только нецелованных не трогай, только не горевших не мани!» Сережа — это мое открытие. Я открыл его как верстальщика, приобщил к созданию сайта. С большим трудом уговорил руководство (поверь, я говорю правду, а не выпячиваю свои достоинства) взять его к себе в отдел. У меня к Сереже как к работнику — и человеку! — претензий нет. Но теперь он — мой враг, конкурент, провожающий тебя домой, а, следовательно, я готов вступить с ним в самую беспощадную войну. И обязательно вступлю. Хотя — убежден! — он этого не заслуживает. Я не исключаю, что он — всего лишь инструмент в твоей профессиональной игре, даже если ты

и испытываешь к нему чувство симпатии. Не играть ты не можешь. Так ты устроена. Тебе необходимы реальные зрители, предполагаемые соглядатаи (наш приятель писатель Боровиков в соседней комнате, мастер Леша на кухне, твоя подруга Наташка, болтающая с тобой по телефону...). Тебе позарез нужны интриги, чувство опасности, ощущение скольжения по краю. Иногда тебе для... нужны просто статисты. Во всяком случае, я предполагаю, что твое нарочито хорошее отношение к Сереже обусловлено и стремлением (может быть, даже и бессознательным) добиться каких-то других (не будем уточнять — каких) целей.

Лю! Малыш! В этом мире мы — единственные равнозначные фигуры. В нас так много изощреннейше злых и романтически добрых начал, что, видимо, только мы и можем понять друг друга. И методы воздействия друг на друга у нас в общем-то похожи, и характеры тоже. Но это тема отдельного разговора.

Что же в этой ситуации делать?

Давай разбираться вместе. Отношения на работе складываются из двух показателей — личных и производственных. Человек не может относиться к другому человеку неэмоционально, тем более, если ранее отношения между ними складывались максимально тесно. У нас есть два пути решить личные вопросы. 1. Развивать отношения. По человечески, цивилизованно, не причиняя друг другу постоянной, саднящей боли. 2. Аннулировать эти отношения. На сто процентов. Для второго варианта, кстати, нужно совсем немного — просто не видеть друг друга.

Что касается производственных отношений, то здесь ситуация такова. Для того, чтобы наш отдел нормально функционировал, мне жизненно необходимы и Пихтин (с которым я больше никогда не поссорюсь, как бы элегантно и профессионально ты — извини за правду! — ни...), и Сережа (который замечательный специалист и человек), и

Надежда Ивановна (которая просто незаменима), и даже Юрка (который безболезненно, играючи решает вопросы и с типографией, и с почтой). А вот без тебя, как это ни печально, на работе я обойтись могу.

Но суть письма не в этом. И я, конечно, не буду тебе угрожать увольнением, домогаться тебя, преследовать и т.д. Я не хочу, чтобы тебе было больно, чтобы ты потеряла работу. Видит Бог, не хочу. Я чувствую свою ответственность за тебя. Все-таки ты мне дала в этой жизни очень-очень многое. А что получилось потом, то получилось. Как сказал поэт Вегин:

*У любви гарантий нет.
Чувство ведь — не корпорация.
Уходя, оставьте свет
в тех, с кем выпало расстаться.*

Что же самое главное в данном письме?

Ты по-прежнему остаешься важнейшим человеком в моей жизни, в моей судьбе. Я по-прежнему убежден, что ты не случайно возникла на моем пути. Ты не исчезаешь с него почти год. Для меня это немыслимый срок. Уверен, что твоя маска отчужденности — только маска, не более того. Эту маску пора снимать. Будь собой. Не бойся этого! Не забывай, что этот мир, как поет Александр Дольский, «разделился беспощадно на любовь и нелюбовь». Будь Лю, ЛЮБОВЬЮ, кем ты являешься от рождения, иди по этому пути до конца. И помни, что все мы не бессмертны, времени для решения главных жизненных вопросов у всех нас в обрез.

Теперь что я предлагаю тебе конкретно?

Развивать личные, человеческие отношения (они все-таки есть, есть!), не травмировать сознательно или бессознательно друг друга. Либо разорвать отношения полностью. Понять, что не развивая личных отношений, не общаясь цивилизованно, работать нам вместе будет

невозможно. И кто-то из нас в таком случае из отдела должен уйти. Я готов это сделать сам. Не доводить ситуацию до конфликта, а по возможности жить дружно.

Помнить о том, что я тебя по-прежнему люблю и в любом случае всегда поддержу.

Проинформировать меня о твоих решениях. Поздравляю тебя и Ирину Петровну с 8 марта. Желаю вам крепкого-крепкого здоровья, удачи, благополучия!

Кури меньше. Это уже не ревность. Просто я не хочу, чтобы ты болела.

Надеюсь, это письмо больше никто не прочтет.

*Суважением,
С.И.
9.03.2001,
5 утра.*

* * *

Отправлять письмо Лю Иванов не решился. 9 марта он ей позвонил.

— Я не могу без тебя, — сказал Иванов.

— А я думала, ты уже внутренне избавился от меня. Надо вытравлять из себя это чувство... Я боюсь тебя. Не верю тебе. Ты сделал в отношении меня несколько подлых поступков. Во-первых, ты сказал, чтобы я увольнялась. Во-вторых, ты вставил мою фотографию в свой альбом, который подготовил к печати, а Серега этот снимок распечатал. И показал мне. Потом ты, кажется, хвастался Юрке, что имел отношения со мной, он намекал мне.

Иванов никогда не хвастался ни Юрке, ни кому-то другому, что имел отношения с Лю. Серега просто украл фотографию, взял ее без спроса. Про увольнение было сказано в состоянии аффекта.

Все это Иванов — взмыленный от несправедливых и горьких обвинений — и сказал Лю. Он очень понимал ее чувства. И опять жалел ее. Ему было стыдно, что так по-

лучилось с фотографией. В остальных случаях он виноватым себя не считал.

Они разговаривали час. Предъявляли друг другу различные претензии. Просили друг у друга прощения.

Иванов был счастлив. Счастлив оттого, что между ними опять происходил диалог. Лю опять — впервые за последние два месяца — называла его на «ты», она развеяла его ревнивые домыслы, сообщив, что у «нее никого нет».

— Нашел тоже к кому ревновать! У меня с Сергейкой только производственные отношения.

Иванов и Лю договорились, что они не враги.

— Я твой вечный лыцарь, — сказал Иванов.

Лю улыбнулась.

На следующий день они вновь встретились на работе.

И — конфликты продолжились.

* * *

Она все затягивала и затягивала удавку конфронтации. Она курила каждый час с Сергейкой, по десять, пятнадцать минут, она кокетничала с ним даже в комнате. Он провожал ее домой. Несколько раз они пришли вместе на работу. Иванов мучался, безумно ревновал. Он мог их разлучить. Это, в самом деле, было в его руках. Она написала заявление об уходе. Он был принят на полставки с испытательным сроком. Этот срок еще не закончился. А, если бы они не виделись на работе, они не виделись бы вовсе. Иванов в этом не сомневался.

* * *

Иванов никого не увольнял. Он понял, что выдержал. Он смог выжить и в этих нечеловеческих — зачем-то придуманных Лю! — условиях. Теперь он доподлинно знал, насколько верен постулат — сила в неприменении силы.

* * *

Он не предъявлял им никаких претензий личного характера. Только по работе. И дал себе слово, что никого никогда не уволит вследствие личной антипатии.

* * *

Он ехал в метро на работу. Она вошла в его вагон. Посмотрели друг на друга. И — поезд дальше не пошел —

* * *

Он подошел к ней, чтобы поговорить. Она убежала.

* * *

Легко размахивать остронаточенным мечом вражды, когда твой противник защищается только руками.

* * *

Легко воевать с тем, кто тебя любит. Это практически тоже самое, что наносить удары матери или отцу.

* * *

Самые несчастные люди — жестокие. Они и не знают, что могут быть наказаны другой — высшей — силой.

* * *

Лю очень много болела.

* * *

Иванов сидел на первом этаже и курил. К нему подошел Володька, парень из отдела компьютерных технологий, где ранее работал Серега.

— А у Сереги с Лю хорошо развиваются отношения, — сказал он, закуривая.

— Ты молодец, у тебя в отделе люди находят друг друга. Я сначала думал, что Серега для Лю слабоват. А потом,

как увидел, что он с ней из мужского туалета выходит, понял, что Серега не промах. Я представляю, как они там трахались. Она, наверное, штанишки на кабинку повесит и — вперед!

— Слушай, ты что чушь несешь? — прорычал Иванов.

— Почему чушь? — удивился парень. — Я видел несколько раз, как они выходили из мужского туалета и из женского. И со второго этажа, и с третьего. Трахаются они — это ясно. А дома у него она небось прыгает на нем как на батуте.

— Откуда ты знаешь? — спросил почерневший Иванов.

— Да об этом уже все говорят.

— Что, кто-то и видел?

— Да ты на них сам посмотри. Это ж понятно — любовь. Парень с девкой — музыки не надо.

— Слушай, — сказал Иванов, — то, что ты говоришь, — это бред. Я тебя прошу: никогда больше не разговаривай со мной на эту тему. Занимайся своими компьютерами. А в наш отдел нос не суй. Понял?

— Понял, — ответил парень, ехидно улыбаясь.

* * *

Иванов пришел в отдел. Провел планерку. И наврал всем, что отправляется на верстку. Он приехал домой. Выкурил пачку сигарет. И лег спать.

* * *

Утром он разговорился с Рыковым из другого отдела.

— А все-таки Лю у тебя — хороша. Раньше ее видели с тобой. Как Вы частенько выходили с работы. Теперь ходит с Серегой. Но я вижу: он ей уже надоел. Скоро она пойдет в разнос. Она сейчас будет давать всем. Старик, ты не будешь возражать, если я ее трахну? Или хотя бы приглашу в ресторан?

— Володя, давай с тобой договоримся так: ты со мной

на эту тему никогда не говорил. И не будешь. Все, что ты сказал, это чушь. А даже если не чушь, я эту девочку никому в обиду не дам. Чтобы про нее ни плели.

* * *

Подруга Иванова Лена Горицкая говорила:

— Она, конечно, тебя любит. И замуж за тебя хочет. Просто если один человек что-то предлагает другому человеку, тот сразу отказывается. Она хочет, чтобы все было красиво. И постоянно дает тебе новый шанс. То, что она осталась на работе, лишнее тому свидетельство. Деньги, конечно, важны для нее. Но дело не только в них. Иначе она вела бы себя очень тихо с Серегой. Она бы тихонько получала свою нехилую для девчонки зарплату, не курила бы с ним, а просто трахалась бы с ним по вечерам. Тут все — другое. Серега, как и Владимир Юрьевич, для нее — подружки. А ты — нет. Ты мужик. Она и любит тебя, и ненавидит. С тобой она и курить не может. Пойми: любовь — это война. «Двух соловьев поединок». Роковой поединок. Дружба между мужчиной и женщиной — это другое. И семейная жизнь, кстати, — тоже другое. Семейные отношения скорее напоминают производственные. Ты мне, я тебе. Лю — не жена. Она для тебя любовница, за которую ты будешь бороться вечно. Как только ты ее завоеешь окончательно — она тебе станет неинтересна. И ты сам от нее сбежишь. Первый. Она — твоя мечта, муза. А представляешь, она станет женой — будет в бигудях ходить, трусы твои стирать, денег от тебя требовать?

— Ты знаешь, я ничего не боюсь. Мне она нравится разная — даже в бигудях. Денег мне для нее не жалко. А трусы мои ей стирать необязательно — у меня есть шикарная стиральная машинка.

— По-моему, ты сумасшедший.

— Может быть. Хотя вряд ли. Я просто к ней очень плохо отношусь.

* * *

Другая подруга Иванова — Юля Юнисова — делилась своим наблюдением:

— В двадцать один год человек еще не может любить. Он может влюбляться. А твоя девчонка, по-моему, даже не влюблена. Она просто стремится самоутвердиться. Ты ей даешь эту возможность. Она самоутверждается за счет тебя.

— Ну и слава Богу.

— Выходит, ты тряпка?

— Может быть, и так. По отношению к ней. Но я же не тряпка с другими людьми. С сильными, серьезными мужиками. Я никого не боюсь. И делаю в жизни то, что хочу. Потом пойми: высшее благо — любить. А не быть любимым. Представляешь, тебя любят, а ты — нет. Ну и какой тебе от этого кайф? А мне нравится эта девчушка. Нравится ее вредный характер, нравится, что она многого уже добилась, что вот-вот получит красный диплом, мне по душе ее рассказы, то, что она впитывает все как губка. Потом она многое для меня сделала. Без нее я бы никогда не изменил своего жилья, не написал бы тех стихов, которые написал. Потом фактически — она все равно со мной. И делает то, что я ей говорю. Мы прошли с ней многие стадии семейной жизни. Страстная любовь. Охлаждение. Ровные отношения. Сейчас ей нужны от меня только деньги. Но разве так живет мало семей? Я могу давать ей деньги — и даю. Мне это доставляет удовольствие.

— А ты не думал о том, что она себя ведет с тобой так как захочет, так как ты ей позволяешь?

— Я даю ей свободу. Она вправе выбирать — с кем ей быть. Если для нее лучше Серега — пусть она будет с ним.

— Почему ты говоришь об этом так спокойно?! Ты же мужик.

— Именно поэтому и говорю спокойно. Я разделяю производственные и личные отношения. По работе она

делает все то, что я ей говорю. Если делает плохо — я ее отчитываю. Равно как и всех остальных. Я знаю, что мне от нее на работе нужно. Ее функции определены. Она их выполняет. А что касается личного... Знаешь, глупо трясти яблоню в июне. Яблоки еще не созрели. Даже если их стрясешь — они еще незрелые, невкусные. Придет осень — упадут сами.

* * *

Пушкин написал гениально: «Пришла пора — она влюбилась».

* * *

Иванову домой позвонила мама Юры.

— Сидор Иваныч, у меня к Вам секретный разговор. В конце февраля Юра стал очень сильно пить. В день по бутылке водки. Что с ним происходит? Скажите мне: у него пьянство вследствие какой-то причины? Или это просто алкоголизм?

— У него пьянство вследствие определенной причины. По моему, сейчас она устранена.

— Да-да, сейчас он практически не пьет.

— Слава Богу. У Вас замечательный сын — добрый, преданный. И хороший работник.

— А я думала, у него на работе, с Вами конфликт.

— Юра — мой друг. И конфликтов у нас не бывает. У меня к Вам просьба: докладывайте мне немедленно, если обнаружите, что он приходит домой выпивши. Я буду принимать меры. На работе у нас сухой закон.

На том и договорились.

* * *

Причина пьянства Юры заключалась в Лю. Она кокетничала и с ним, иногда гладила его по руке во время перекуров. А потом отвергала всяческие его ухаживания.

* * *

На одном литературном вечере Иванов познакомился с какой-то грустной худой обрусевшей полькой — Еленой. Они пошли в бар. Пили, разговаривали. В ее глазах отражалась неподдельная, кровоточащая боль. От нее ушел любовник.

Они стали общаться, встречаться, шастать по Москве. Они говорили часами. Она — о подлом любовнике, бросившем ее, Иванов — о загадочной Лю.

Постепенно разговоры становились все более и более раскрепощенными. Иванов чувствовал себя с Ленкой и легко, и тяжело одновременно. Он мог говорить ей все, высказывать все свои боли, все эротические фантазии. Он домогался ее по телефону — грязно, нахраписто, развратно.

Ленка охотно шла на эти разговоры, фактически они занимались вербальным сексом. Когда же встречались, она разрешала себя обнимать, гладить по бедрам и груди, залезать под юбку. Но ни разу не подарила даже поцелуя.

* * *

Они сидели в баре при московской консерватории, он положил ей руки в трусики, она облизывала свой палец, как будто делала минет. Выйдя на улицу, она стала обсасывать его пальцы. Но поцеловать себя так и не позволила. Иванов «заводился», нервничал. Перед ним опять была неприступная цель, которая маячила и не уходила с поля зрения. Он вдруг обнаружил, что уже Ленка (даже сильнее чем Лю) «заводит» его. Перед ним опять стоял барьер, который он должен был взять. Он уже думал все больше и больше о Ленке.

* * *

На улице он попытался ее поцеловать. Она увернулась. Он вспыхнул:

— Ну, может быть, хватит надо мной издеваться?! Я

же тоже не железный. Целуйся тогда с другими. А меня уволь. Я ухожу.

И он поехал домой.

* * *

Вечером Ленка позвонила Оле (их общей подруге) и сказала:

— Сидор оказался таким агрессивным. Ему от меня нужна только постель. Когда я ему отказала, он сказал мне: «Аривидерчи!»

* * *

Любые отношения — даже дружеские! — корыстны.

Одна знакомая как-то рассказывала Иванову про отношения со своим сослуживцем: «Мне от него нужно только общение!»

А разве этого мало? В Нью-Йорке Иванов платил психотерапевту сто пятьдесят долларов за сорок минут разговора. Фактически за то, что его слушали.

* * *

Корысть, тщеславие, влюбленность.

* * *

Иванов вспоминал свои отношения с другими женщинами. Прагматический интерес — причем с обеих сторон — присутствовал всегда.

Его жена Наташа, конечно, испытывала к нему психофизическое влечение. Но оно не было бы столь сильным, если бы Иванов не имел московской прописки. Наташа — прекрасная, совершенная женщина — мучилась в провинции. И хотела любой ценой оттуда удрать. И удрала. А как только появилась возможность занять еще более теплое место — она заняла и его. А средством передвижения опять-таки выступил мужчина. Теперь — иностранец.

* * *

Что же касается отношения самого Иванова к Наташе, то и оно было во многом прагматичным. Перед тем, как переехать к ней, он жил в общежитии, где каждый день были драки, и он за год таковской жизни чудом остался цел.

* * *

Как только экономическая зависимость от Наташи и ее родителей у Иванова пропала, он стал к ней относиться хуже. Начал погуливать, грубить ей и т.д. Увы, такова природа человека.

* * *

Иванов точно знал: нужно быть сильным, богатым, и тогда завоевывать никаких женщин не придется. Они будут завоевывать тебя.

* * *

В случае с американкой Верой (его другой возлюбленной) ситуация — по сути! — тоже была не слишком романтическая. Просто теперь уже Иванов хотел сменить место жительства. И труженник-мозг — ища способ решить вполне конкретную задачу — выдал самую красивую, единственно приемлемую для Иванова реакцию — любовь. На самом деле это, конечно, была не любовь. А всего лишь стремление переехать туда, где можно было выжить, жить и размножаться.

Хотя, разумеется, Вера ему нравилась. А почему, собственно, не должна нравиться изящная, длинноногая, как манекенщица, женщина, которая учит тебя премудростям секса, имеет квартиру в Манхэттене, дает тебе деньги и восхищается твоими стихами?! Такую женщину любить очень просто. Таких готовы любить все.

* * *

Маме Лю Иванов поначалу не понравился. Но потом, когда Лю стала относиться к Сидору не(а)много лучше, мнение о нем изменилось и у ее мамы.

Она стала приглашать его на обед. Один раз даже купила три билета (для себя, Лю и Сидора) на авторский вечер Вероники Долиной. Увы, Иванов тогда не смог пойти на концерт — уезжал.

* * *

Иванов помирился с Владимиром Юрьевичем. Слава Богу, они выяснили отношения. Было бы намного хуже, решил Иванов, если бы я сохранил Лю, но потерял Пихтина.

* * *

Иванов понимал, что до тех пор пока Лю делает ему больно, она его любит. Как только она станет его жалеть и относиться к нему хорошо, это будет констатировать смерть чувства. Хорошо мы относимся только к тем, кто нам безразличен. К ним у нас иная — предельно заниженная! — мерка. Они нам не нужны. Претензии предъявляешь только тому, кто дорог.

* * *

Чем сильнее удар, тем сильнее чувство.

* * *

Ходить по минному полю нелюбви просто. Это поле равнодушия. Жертв может и не быть. А вот на минном поле любви выживают единицы.

* * *

Лю не прощала Иванову ничего. Она его любила. Она — несмотря ни на что! — по-прежнему считала его рыцарем. Человеком, равным себе.

* * *

Но что все-таки ею двигало?

* * *

Иванову позвонила его подруга, поэтесса Татьяна Боква. Разговор, как обычно, пошел о мужиках и бабах.

— В основе любого конфликта ищи зависть или ревность, — сказала мудрая поэтесса. — Тебе нужна либо равновеликая девушка, либо совсем простая и спокойная. Конечно, Лю тебе завидует. Тебе дано все, а ей практически ничего. Только женские чары. Но век женской красоты очень короток.

— А я думаю, она, прежде всего, меня приревновала. К жене и дочке. Я по глупости в нашей многотиражке опубликовал о них свои стихи трехлетней давности. Я их взял из своей старой книжки, которую Лю читала. Но для нее это было, видимо, очень тяжело. И, конечно, мой отъезд на Новый год она не может мне простить. Теперь она мне мстит. И за отъезд, и за стихи, и за все плохое, что я ей сделал.

— Хуже всего — если эта месть ради мести. Не ради того, чтобы вернуть тебя. А просто — чтобы отомстить, сделать тебе больно. Мне кажется, Лю — неблагородный человек. После того, как она пошла на полный конфликт с тобой, она обязана была уволиться.

Иванов промолчал. И не стал комментировать высказывания подруги.

* * *

Все хотят всех.

* * *

Никто не хочет никого.

* * *

И все-таки в последнее время он все чаще и чаще склонялся к мысли, что Лю ему просто мстила. *Только мстила.* Она уже не хотела его вернуть.

* * *

Он думал о ней. Думал о ее мотивации. Что все-таки двигало ее поступками? Зачем она стравливала его (а в этом теперь у него не было ни малейших сомнений) с Головкером, Пихтиным, Серегой, Юркой, Надеждой Ивановной, Олегом, а потом и с другими сотрудниками компании — Уточкиным, Мкртчаном?

Во-первых, она мстила ему за его отъезд на Новый год.

Во-вторых, она проверяла — с самых разных сторон! — его чувства к ней.

В-третьих, ей было необходимо постоянно доказывать себе, что весь мир у ее ног. «Да, Иванов управляет всеми в отделе и делает что хочет, но Ивановым, как мальчишкой, управляю я».

В-четвертых, она была просто очень вредным и, как она сама себя идентифицировала, злобным существом.

* * *

Иванов лежал дома на диване и, смеясь над самим собой, думал: «На самом деле все, наверное, проще. Она любила. Потом разлюбила. Поняла, что выбор неправильный. Решила уйти. Я ее уговорил остаться, покаяться перед ней. Она и осталась. А почему бы и нет? Деньги она получает приличные. Никто больше ей не предлагает. Вот, собственно, и все. А я — старый, наивный дурак — придумал целую историю. А что касается Сереге, так я же сам ей пообещал, что сцен ревности больше не будет. Она никаких обещаний не нарушила. А то, что она не умеет понимать подтекст, так ей в данном случае это не нужно. Вот она и не умеет. И к тому же ситуация с Серегой (перекуры и т.д.) — это лишний случай проявить по отношению ко мне свою жестокость, а жестокость всегда сексуальна. Все предельно просто».

* * *

Иванов выпил кофе с коньячком, почистил зубы, грустно улыбнулся сам себе в зеркало, лег в кроватку и безмятежно заснул.

* * *

Любовь — это высшая власть. Лю очень хотела власти.

* * *

В случае с Серегой мотивация была другая. Поначалу он увлекал ее в качестве удобного инструмента для манипуляций. Он как телок — громко звеня колокольчиком тупости — безропотно шел у нее на поводу. Потом и у него проснулись какие-то чувства, которые в полной мере Лю оценить не за-хо-тела.

И хотя она тоже поддалась на его волну симпатии, потом у нее это заглохло. Она поняла, что зашла слишком далеко. Переиграла.

* * *

Она не могла иметь полноценные отношения с толстым, неопрятным человеком, который плохо пахнет, имеет фамилию Чурбанов и получает в месяц сто баксов. Она не могла иметь полноценные отношения с человеком, которого постоянно на работе унижает начальник (ее бывший любовник). Даже если он хороший компьютерщик. Даже если у них есть общие темы для разговора. Даже если они вместе ходят в джазовый клуб «Форте». Даже если у него отдельная квартира в Гольяново.

Она не могла допустить, что на работе есть человек, который может прочитать книгу, где будут описаны их отношения с Ивановым.

Именно Лю начала выживать Серегу с работы. Она сознательно продолжала с ним совместные перекуры,

демонстрировала свои уходы и приходы с ним в офис. Она не дорожила Серегой, как впрочем, и никем.

Иванов это понял. И решил сделать эксперимент. Сбросил Чурбанову информацию, что написал триллер. Пообещал, что скоро отдаст ему его верстать. Информация Серегой была передана в срок и по назначению. Произошла очередная накачка, дотошная обработка мозгов. В итоге Чурбанов нахамил Иванову — при всех — публично — заявил, что вообще не будет верстать журнал (а Иванов задумал выпускать и строительный журнал, посвященный фирме). И получил от Сидора немедленное уведомление об отставке.

* * *

Лю мастерски владела — как, скажем, шпионы или цыганки — искусством нейролингвистического программирования.

* * *

«Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино».

* * *

Хотя, кто знает — может быть, вечером на работе Лю, обнимая Чурбанова, шептала ему, как раньше Иванову: «Возлюбленный мой, спаси меня от этого деспота!»

* * *

От трагедии до фарса — сантиметр.

* * *

Все возможно в этом мире.

* * *

Тем более, что несколько раз Чурбанов даже пытался что-то невразумительное предпринять.

* * *

Иванов, Чурбанов и Лю курили. Потом Иванов сказал:

— Сережа, оставь нас наедине. Нам надо недолго поговорить.

— Ну, если недолго, — пробубнил Чурбанов.

Иванов вскипел:

— Мы будем говорить столько, сколько я решу.

Чурбанов, как побитый медвежонок, полпелся в комнату.

Лю злобно-недоуменно посмотрела ему вслед, как бы оправдываясь — опять-таки театрально! — перед Ивановым.

* * *

В ее поступках — равно как в ее текстах — было много лишнего, напускного.

* * *

Причина всех неурядиц человека — в его лингвистической безвкусице.

* * *

Хорошо сказал Серега Арутюнян: «Графомания чувств».

* * *

Верно заметил поэт Женя Данов: «Слово — сильное оружие. Но самое сильное — молчание».

* * *

В словах Чурбанова — «Ну, если недолго» — Иванов почувствовал интонацию собственника.

И еще раз убедился: ему изменили.

* * *

Когда Лю ушла в отпуск и три дня никак не давала о себе знать, не звонила ни Пихтину по рабочему (или домашнему), ни Сереге на мобильник, Иванов загрустил. Он вдруг понял, что это намного хуже — тревожнее! — чем, когда она напоминала о себе.

* * *

Через три дня она позвонила Сереге. В 17.30. И спросила его:

— Что ты делаешь?

— Газету, — ответил Серега.

Потом они еще о чем-то недолго говорили.

Извращенец Иванов успокоился. Он понял, что Лю его еще любит.

* * *

Иванов изменился. Он тоже стал играть. Он знал: Лю более для него не абсолютна. Она — одна из многих. Не более того. Да, он не прочь иметь контакты и с ней. Но она ему изменила. Он сказал сам себе: она переспала с другим. Даже если не переспала — все равно переспала. Потому что она предпочла общество других людей. Ему стало легко. Отныне он не считал ее единственной.

Единственной больше не было.

* * *

Все его многочисленные знакомые, друзья и подруги, все лечащие его психотерапевты кричали в один голос, точно сговорившись:

— Выгони ее с работы, убей ее в себе. Убей! УБЕЙ!
Она причиняет тебе боль, неудобства, страдания.

— А разве это *неинтересные* чувства? — удивлялся Иванов. — Я должен ей еще и приплачивать. Она помогает мне познать себя.

* * *

Иванов был неумным человеком, грешным делом посвятившим себя самопознанию. Он сам — для себя! — создавал пограничные ситуации. Он строил свою жизнь, как хотел. Он точно знал: свобода выбора есть. Он выбирал. Именно поэтому он занимался в детстве одновременно музыкой и боксом, футболом и хоккеем, именно поэтому в семнадцать лет он удрал из сытой и благополучной Москвы и поступил на факультет иностранных языков нищего провинциального Университета (он хотел изучать не только языки, но и жизнь в общаге), поэтому (хотя, конечно, не только поэтому, а, прежде всего, из-за любви) он в восемнадцать лет женился, именно поэтому он сделал все, чтобы угодить в сумасшедший дом, а затем — за границей! — в тюрьму, именно поэтому он уезжал с тридцатью долларами в кармане в Америку и Францию, и выживал, и очень роскошно там жил, именно поэтому он учился в университете в Брюсселе и жил в Нью-Йорке и Филадельфии с американкой русского происхождения Верой, которая была ослепительной красавицей и миллионершей и при этом старше его на двенадцать лет, именно поэтому он так легко и беззаботно менял работы. Он ставил над собой эксперименты: выживет, не выживет? Он доказал себе: он выживает в любых условиях. Как таракан или крыса. В еврейских районах Америки он становился похожим на еврея, у него появлялся местечковый акцент, в Париже он начинал думать и писать стихи по-французски... С молоденькой девушкой он становился половым гигантом. Он мимикрировал. И не считал это ужасным.

* * *

Пройти мимо Лю, отказаться от нового опыта он не мог. Тем более это был не просто интерес. Здесь совпали многие факторы. Один из них заключался в том, что

Иванов созрел к созданию семьи. И продлению рода. Впервые за последние годы он трахался без презерватива. Он хотел детей именно от этой девочки. Почему — он не знал. Он просто фатально шел, как лосось по мелкой горной реке — по камням, по камням! — против течения, оплодотворяя молокой икру. Он понимал, что погибает, но и остановиться не мог.

* * *

Вера — Лю (Любовь) — две трети духовной жизни прожито —

* * *

Он не мог на работе заниматься только работой. Это было бы слишком пресно и омерзительно уныло. Ему — во всем! — необходим был экстрим. Он и вкалывал больше всех своих подчиненных — с утра до ночи! — и трахал лучшую девчонку в компании — в мире! — и вынужден был конспирироваться, точно Штирлиц, и узнавал подноготную своих товарищей. То есть, занимаясь вполне реальным и жестоким бизнесом, зарабатывая большие — очень большие! — деньги, он по сути занимался тем же, чем обычно — постигал себя и мир. Он оставался кем был — человеком, посвятившим себя самопознанию. И фактически работал над новой книгой. Ничего более интересного и выгодного он придумать не мог. Если бы Лю не было, ее следовало бы придумать.

* * *

Иногда сладостное и разрушительное безумие покидало Иванова. Он запрещал себе смотреть на Лю, запрещал себе... И — говорил о ней часами, говорил со всеми. (Или писал о ней.) Точно также как ранее говорил сутки напролет с ней. Фактически ничего не менялось. Непрожитые отношения надо было прожить. Хотя бы в слове. Или на бумаге.

* * *

Ему очень помогал его спортивный опыт.

Спорт для мальчиков в советское время был, наверное, самым эффективным институтом воспитания в условиях рыночных — именно рыночных! — отношений. Это была блестящая подготовка — с жесточайшей конкуренцией, изощренными интригами, тупым торжеством силы и т.д. — ко взрослой жизни.

* * *

Иванов записался в футбольную секцию в десять лет. И поначалу был самым ярким игроком в команде. Он стал любимчиком у тренера, начал зазнаваться и т.д. А потом пришли другие ребята, которые оказались сильнее, талантливее, коммуникабельнее. Иванов оказался на вторых ролях. И не хотел с этим мириться. Он жаждал играть в нападении, мечтал забивать, стать центральным нападающим. (Тем более, что, играя зимой за тот же клуб в хоккее, Иванов как раз и был центральным нападающим. И был очень ярким игроком. Дважды становился чемпионом Москвы.) А в футбольной команде его по-прежнему ставили в полузащиту. И даже заменяли во втором тайме другими футболистами. Однажды, когда один из лучших игроков в команде как-то невежливо поздоровался с Ивановым, он решил(ся) уйти. И ушел во вторую лигу. И стал там центральным нападающим, «звездой». Много забивал. Новый тренер назначил его штатным пенальтистом.

* * *

Потом он и вовсе забросил футбол, обнаружив, что есть и другие интересные — а зачастую и более полезные в жизни! — виды спорта. Увлёкся боксом. Оказалось, что у Иванова идеальные данные. Длинные, точно рельсы, руки, небольшой вес (при высоком росте), природная выносливость, воля к победе, умение держать удар, бойцовский характер.

Иванов прогрессировал от боя к бою.

— Сидору сейчас нет в Москве равных, — говорил его тренер.

Иванов стал тренироваться каждый день. А затем и два раза в день. Выходил на спарринг-бои с чемпионами Москвы, своим тренером. На тренировках коч выставлял против него двух ребят, которые молотили его почем зря, а Иванову было разрешено только защищаться — нырками, уклонами, уходами в сторону.

А потом у Иванова от перегрузок, нервного и физического переутомления начал барахлить «мотор». Сидор приходил на тренировку, а сердечко шалило.

* * *

Он выступил — больной, больной! — на очередном открытом ринге и безнадежно проиграл. Он понял, что больше не тянет. Он понял, что пора уходить. Он отдал любимому тренеру подаренные им боксерские трусы. И стал заниматься другими вещами. Ему было шестнадцать лет.

* * *

К шестнадцати годам Иванов накопил огромный опыт побед и поражений. Иванов знал: *после поражения жизнь не заканчивается.*

* * *

Кстати говоря, как только Иванов завершил боксерскую карьеру, ему позвонил тренер из прежней футбольной команды — из высшей лиги — и попросил вернуться назад. Иванов вернулся. Стал играть. Его уже никогда не заменяли. В семнадцать лет он получил первый взрослый разряд.

* * *

По идее: если бы Иванов вернул Лю ее боевые трусики и чулки, то ситуация повторилась бы... Как в боксе.

* * *

Иванов ничего не вернул. Он оставил себе эти атрибуты женского разврата как трофеи, завоеванные в честной, изнурительной борьбе.

* * *

Бедняжка Лю еще не знала Иванова. И не знала жизни. И не знала себя. Она забывала, что мир всегда развивался — как в спорте — в рыночных условиях. Она была неотразима на фоне женщин старше ее вдвое. Иванов жалел Лю. И не брал на работу ее сверстниц. Он боялся, что ей будет неприятно. И больно.

* * *

Он очень жалел Лю. Именно потому что она была неконкурентоспособна по большому счету. Она была высокая и изящная. Но не модель. Она неплохо писала. Но ее сверстницы писали рассказы и эссе лучше нее. Она имела хорошую дачу, но эта дача принадлежала не только ей, но и ее маме и брату. Она знала компьютер. Но не могла бы работать программистом. Она была филологом. Но не знала иностранных языков. Она могла очаровать только комплексом своих качеств. И, прежде всего, своей речью. Своим низким, красивым голосом. Она уступала в частностях, но побеждала в целом. Она могла подчинять себе человека полностью. Она умела — речью, мимикой, недосказанностью — подчинять себе волю другого человека. Мужчины. Так она поступила с Головкером, Пихтиным, Юркой, Серегой...

Не будучи совершенной ни в одной из сфер, она старалась постоянно доказывать себе, что она лучшая. Но как? Это можно было сделать в ее ситуации только одним способом. У ее ног должны были находиться все мужчины. И, прежде всего, самый лучший. А то, что Иванов в их конторе был для нее самый лучший, у нее сомнений — особенно поначалу! — не возникало.

Она не могла тягаться с Надеждой Ивановной в профессионализме или с Женей Свитковой в писательском мастерстве, но она могла бросить к своим ногам того, кого указанные женщины, по крайней мере, уважали.

* * *

Иванов понимал, что Лю очень несчастный человек. Она завидовала подлинно талантливым людям, она ревновала Иванова к его жене, одаренной поэтессе. Она понимала, что неабсолютна. И не могла с этим смириться.

* * *

При всем этом Иванов видел в Лю писательское дарование. Он видел в ней умение четко формулировать мысли, давать правильный анализ собственным поступкам и чувствам.

* * *

Иванов видел в Лю талантливого человека. А талантливого человека можно научить быть добрым и великодушным. Только бездари на всю жизнь остаются жестокими и невостребованными.

* * *

Конечно, их отношения строились не только на материальной базе. Без денег она могла бы обойтись. Но понять себя до конца она могла только на работе — в обществе Иванова и Пихтина, Юрки и Сереги, Головкира и Надежды Ивановны...

* * *

Если бы она потеряла работу, она потеряла бы сцену. А, следовательно, и саму себя.

* * *

Иванова спасали его великие братья по духу, по вполне реальному государству Поэзия. А где ему еще было

искать поддержки? Он открывал свои любимые книги и получал тепло, любовь. Он лежал на диване и читал том лирики русских поэтов «Я встретил Вас...» Строки Пушкина — «На холмах Грузии лежит ночная мгла», Блока — «Кто бы ни звал — не хочу/ На суетливую нежность/ Я променять безнадежность/ — И, замыкаясь, молчу», всего Есенина, всю Ахматову и Цветаеву, раннего Евтушенко — «Но умирали мы навеки друг для друга,/ а это все равно, что умирать вообще», «ведь я тебя любил, как сорок тысяч братьев,/ и я тебя губил, как столько же врагов», «Гуманней не твердить «люблю», когда ты любишь,/ Как тяжело потом из этих самых уст/ услышать звук пустой, вранье, насмешку, грубость,/ и ложно полный мир предстанет ложно пуст».

Наткнулся на стихотворение Кушнера. «Быть нелюбимым! Боже мой!/ Какое счастье быть несчастным!/ Что с горем делать мне моим?/ Спи. С головой в ночи укройся./ Когда б я не был счастлив им,/ Я б разлюбил тебя. Не бойся!» Поэты, как великие подвижники и врачи прошлых лет, взяв на себя невыдуманные муки, заразившись, точно специально, любовной болезнью, показывали Иванову, как ему жить дальше, как выжить, как сделать приемлемой ту ситуацию, в какой он оказался.

Что касается мысли Кушнера, то она, конечно, ему нравилась, но она не совсем соответствовала действительности. Иванов был любим. Лю причиняла ему боль, а, следовательно, получала сексуальное удовлетворение. Он являлся источником ее наслаждения, и, разумеется, она его обожала.

Иванов читал своего любимого Георгия Иванова, его «Распад атома», который он готов был не цитировать, а декламировать наизусть полностью. «Я думаю о эпохе, разлагающейся у меня на глазах. О двух основных разновидностях женщин: либо проститутки, либо гордые тем, что удержались от проституции», «Женищина сама

по себе вообще не существует. Она тело и отраженный свет. Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня», «Я хочу написать тебе длинное прощальное письмо, оскорбительное, небесное, грязное, самое нежное в мире. Я хочу назвать тебя ангелом, тварью, пожелать тебе счастья и благословить, и еще сказать, что где бы ты ни была, куда бы ни укрылась — моя кровь мириадам непрощающих, никогда не просящих частиц будет виться вокруг тебя», «Женщина. Плоть. Инструмент, из которого извлекает человек ту единственную ноту из божественной гаммы, которую ему дано слышать», «Он не был Цезарем. Была у него только эта любовь. Но в ней заключалось все — власть, корона, бессмертие. И вот рухнуло, отнята честь, сорвали погоны», «Может быть, это в первый раз. Может быть, это блаженнейшая в мире любовь. Может быть, Наполеон воевал и Титаник тонул только для того, чтобы сегодня вечером эти двое рядом легли на кровать», «Каждый, как атом в ядро, заключен в непроницаемую броню одиночества. Два миллиарда обитателей земного шара — два миллиарда исключений из правила. Но в то же время и правило. Все отвратительны. Все несчастны. Никто не может ничего изменить и ничего понять. Брат мой Гете, брат мой консьерж, оба вы не знаете, что творите и что творит с вами жизнь», «Что же мне делать теперь с тобой, Психея? Убить тебя? Все равно — ведь и мертвая теперь ты придешь ко мне», «Смысл жизни? Бог? Нет, все то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо».

* * *

— Ну что еще сказать? — думал Иванов. — Что может добавить убогий мой язык? Ну, только имя, только иную хроникальную цепочку.

* * *

С Серегой он решил поступить неожиданно. Не ссориться с ним, не ругаться. Наоборот, работать с ним, поощрять его. Пить с ним пиво. Он решил ее союзников перетянуть на свою сторону.

Борьба — игра — любовь — продолжались.

* * *

Она твердо решила уволиться. Он твердо решил ее вернуть. И написал ей очередное письмо.

* * *

Милая, драгоценная Лю!

Я считаю, что во многом виноват перед тобой. Прежде всего, в том, что сумев поначалу увлечь тебя, я сумел удержать высокую планку отношений. Я виноват в том, что разочаровал тебя. Я оказался обычным человеком. Не слишком преуспевающим бизнесменом, не очень талантливым начальником, не выдающимся издателем и редактором, выпускающим не самое яркое издание. Более того, я даже сделал несколько неблагоприятных поступков в отношении тебя, о которых до сих пор мне стыдно вспоминать. Больше всего я казню себя за то, что уехал на Новый год за границу без тебя. Оставил тебя. Не звонил. Не вернулся вовремя. Допустил, что ты ехала из Казани в одном купе не со мной, а с какими-то мужиками, которые сально смотрели на тебя. Клянусь тебе, я никогда себе этого не прощу.

Ты поверила мне, поверила в меня, фактически из-за меня ушла от Игоря. И в этом моя главная вина перед тобой. Ведь я разочаровал тебя, оказавшись — для тебя — хуже Игоря.

Теперь я хорошо понимаю: мой грех в том, что ты меня разлюбила. А не любя, ты не можешь (как я полагаю) ни с кем иметь полноценных интимных — столь необходимых

тебе! — отношений. Отсюда твои мучения и нервные спазмы. Ведь ты — очень страстная, очень нежная женщина.

Я никогда не хотел иметь с тобой просто интрижку. Я долго надеялся, что наши вполне успешные сексуальные отношения перейдут со временем (и с твоей стороны) в более глубокое чувство. Я хотел, чтобы ты стала моей женой. Сделал тебе предложение. Ты мне отказала. Увы.

Долгое время я очень ревновал тебя, боролся за тебя. И на почве ревности сделал много глупостей.

Сейчас я изменился. Теперь я точно знаю, что ревность это скорее любовь к себе. Теперь я не ревную тебя, я тебя только люблю. Восхищаюсь тобой. Твоей гордостью, неподкупностью, умением идти до конца, твоей страстью нарушать любые табу, твоей красотой (и внешней, и внутренней). Я хочу только одного, чтобы тебе было хорошо. С кем угодно — лишь бы хорошо! Я считаю тебя уникальной, очень красивой, одухотворенной и талантливой женщиной. Женщиной, которой невозможно жить без любви. Если ты не любишь, ты начинаешь ненавидеть весь мир. Я желаю тебе как можно скорее выйти из этого состояния. Обещаю, что с моей стороны никаких приступов ревности, никаких препятствий для твоего счастья с кем-то другим больше не будет. Мы только начальник и подчиненная, как много месяцев назад. И, конечно, я считаю тебя очень толковым работником, умеющим брать интервью, обслуживать сайт, находить новости и т.д. То, что я сказал в момент эмоционального срыва, только слова. Если можешь, прости меня за них.

Исходя из всего этого, я убежден, что тебе не стоит уходить с работы. Я коленопреклоненно прошу тебя не увольняться. Тебя у нас все любят, тебе есть чему поучиться у Владимира Юрьевича и у Сережи (умница, кстати, что научилась размещать новости на сайте). Ты еще не отгуляла свой законный отпуск, ты имеешь полное право уйти в дипломный отпуск за свой счет и т.д.

Уходить в никуда, не найдя нового места, не очень разумно. Тем более, что — я повторяю тебе — ты абсолютно свободна, никаких прав на тебя у меня нет. Я никогда больше не посягну на твою свободу. Если бы я мог хоть в чем-то тебе помочь (хотя бы обеспечивая тебе нормальную зарплату и премии), я был бы счастлив!

Я не ищущ оправдания себе. Во всем виноват только я. Но если можешь, пойми меня и прости. Просто, в самом деле, мне было нелегко работать вместе с женщиной, которая для меня являлась смыслом жизни. Очень сложно быть всегда на высоте, находясь постоянно на глазах у любимой, у большого количества людей, которыми ты должен управлять. Эти условия очень тяжелые. Помнишь, я рассказывал тебе, что в царской России одна из самых изоциренных пыток заключалась в том, что влюбленных сковывали в камере общими кандалами. Через три дня они начинали ненавидеть друг друга. Фактически мы оказались в такой камере. В очень тесном пространстве, среди огромного числа людей и компьютеров. И у нас просто немного сдали нервы. Хотя заметь: мы очень долгое время (многие месяцы) оставались на высоте.

Я не профессиональный управленец, я профессиональный литератор. И я думаю, что главное мое дело — книги. Их я скоро допишу. И тогда, быть может, тебе будет не очень стыдно за меня.

А за меня не беспокойся. Курить я уже бросил. Все остальные свои проблемы я тоже решу.

Оставайся!

* * *

Сидор вручил Лю письмо на работе. Она тут же прочитала и сказала, что подумает, посоветуется с мамой. Через три дня она позвонила и сообщила, что остается.

* * *

Иванов решил окончательно объясниться и с Пихтиным.

Написал и ему письмо.

Дорогой Владимир Юрьевич! Никто не виноват. Кроме нас самих. Лю — человек, посланный на землю... Видимо, для того, чтобы мы посмотрели пристальнее на самих себя. Наша фирма была (и есть) ее первым местом работы. И что она увидела? Близкие люди предают друг друга, поливают за глаза грязью, ведут себя как дети.

Вы, равно как и Сережа, и Головкер, и Юра, оказались марионеткой в руках девчонки. Вы крыли меня, а я об этом узнавал через пять минут, Вы допускали профессиональные ошибки, а меня обвиняли в том, что я придираюсь к Вам. Но мое отношение к людям складывается из двух моментов — как человек работает и как он ко мне относится. Вы и работали, на мой взгляд, неважно, и ко мне относились скверно.

Такова правда. Мы все в этой ситуации оказались не на высоте. И Вы, и я. И, конечно, Лю. Но она — девчонка, она ведет себя так как ей предписано природой. Она обязана как самка стравливать мужиков. А мы... А мы, Владимир Юрьевич, — дерьмо. И это надо признать. Чтобы потом не повторять ошибок.

Я не держу на Вас зла, я сам перед Вами во многом виноват, я Вас крыл еще более гнусными словами. Мне от этого отвратительно. Я прошу у Вас прощения. Обещаю, что никогда больше за глаза не скажу о Вас ни единого плохого слова. Говорить в кулуарах следует только то, что можешь повторить при людях. Это единственный способ изменить себя и мир.

Всего Вам самого хорошего.

Ваш С.И.

* * *

Передавать письмо Пихтину Иванов не стал. Отношения у них наладились сами собой. Во время отпуска Лю.

* * *

Женщина — это роскошь. Это не только совершенный инструмент получения наслаждения, но и безупречный инструмент получения боли, страдания. Женщина — это способ познания мира. Только пройдя все стадии отношений с одной женщиной, можно что-то понять. Тот, кто бегает по кругу и хочет найти только покой и удовольствие, тот очень слабый человек и никогда не увидит мир с разных сторон.

Иванов знал, что он достаточно сильный индивид. Он не боялся жизни. Он был очень любопытный. И ни от чего интересного в своей жизни не отказывался.

* * *

Он брал от жизни все, что хотел. И столько сколько хотел. Никаких преград на своем пути он не обходил. Он шел на любое деяние (даже преступление) для достижения своей цели. Он с отвращением к самому себе вспоминал, как в детстве, придя с братом на День рождения его друга, увидел у того дома патрон-зажигалку... Он страстно захотел иметь эту вещь. И украл ее. Он не мог ее не украсть. Он действительно страстно ее захотел.

Он реализовывал все свои мечты. А, реализовав, успокаивался.

Если бы Лю не убегала от него, он убежал бы сам.

В свое время он очень хотел шестисотый «Мерседес». И он купил его. Потом он просто стоял и гнил в гараже — Иванов понял, что в Москве удобнее ездить на метро. Ложные желания, ложные чувства. Но если в желании была еще и толика здравого смысла — Иванов вообще шел напролом.

* * *

Иванов знал: секс и общение он давал ей лучше всех. Обеспечивал лучше всех. Мучил изощреннее всех. Вел себя благороднее всех. Вел себя подлее всех. Он понимал, что от такого набора качеств Лю отказаться не могла. И, конечно, дорожила Ивановым. Он был искренний. Он не играл. И если ревновал, то мучился. Как написала поэтесса Лиза Храмова:

*За мною следом ненависть твоя,
Как тень, крадетя.
Меня так любит ненависть твоя,
Что застит солнце.
В бессильи, в злобе, в страсти и в огне,
Как в жесте мима.
Безвучна. Неотступна и так мне
Необходима!*

* * *

Он помнил слова Лю, что все вокруг — только статисты. И служат лишь для того, чтобы выявить их отношения. Показать их гармонию (или дисгармонию).

* * *

Писатель — это человек, научившийся не терять.

* * *

Он понимал, что она явилась в его мир не случайно. Она показала всем кто есть кто. И ненавидеть ее за это было бы нечестно. Ненавидеть можно было только себя.

* * *

До тех пор пока она презрительно смотрела на него, он и сам смотрел на себя презрительно.

* * *

И только иногда его посещала черная мысль: а, может быть, он все придумал? И мир намного проще? Девчонке нужны деньги. И нужен другой мужик. Деньги даешь ты, чувства — другой. Мечтает она о третьем.

* * *

Он вспомнил любимый тост одной своей сотрудницы. У женщины должен быть лев в постели, ягуар в гараже, соболь на плечах. И козел, который за все это заплатит.

В роли козла быть не хотелось. Но — увы.

* * *

Ее гениальность заключалась в том, что она точно вычислила характер Иванова. Он не мог проиграть. Он всегда добивался того, чего хотел. И хотя она уже была совершенно не нужна ему как сотрудница, он держал ее рядом, готовя новые нападения... Она отбивалась. Она знала: как только она уступит, он вышвырнет ее вон. А пока он будет ее держать. И финансировать.

* * *

Девчонка в самом деле оказалась неглупой. Она выбрала — вместо Иванова — слабого кавалера и тем самым спутала карты. При этом она не сказала точно, что спит с ним. Она обронила, точно вскользь: «Я не целуюсь с Сергеем. А, может быть, и целуюсь».

* * *

В последнее время Иванов, отлученный от тела Лю, встречался с женщиной, которая в принципе поступала также, только еще изощреннее. Она иногда прерывала на полпути акт. Обещала приехать на следующий день. И не приезжала. И понимала, что Иванову плохо. И получала от этого удовольствие.

* * *

В любовной игре только убегая от партнера, можно его догнать.

* * *

Постоянное и безуспешное преследование Лю начинало развивать в Иванове комплекс неполноценности. Он решил его в себе преодолеть. Он сказал сам себе: «Посмотри вокруг!» И посмотрел. На работе лучшие молоденькие девушки проявляли к нему интерес. Он позвонил некоторым своим былым возлюбленным. Месяц встречался с Таней Волковой, с которой не виделся год. Возобновил отношения с женщиной, с которой жил несколько лет, а расстался три года назад. Она по-прежнему его любила. Он даже выписал к себе домой Таньку Шелкунчикову. Она приехала, провела с ним ночь. Утром он смотрел на нее — ее худое — в бородавках — тело — с отращиванием. И хотя она потом регулярно ему звонила, он под любым предлогом встреч избегал.

Олегу, кстати говоря, она так и не дала.

* * *

Ему звонили какие-то безумные поэтессы. И спрашивали:

— Сидор Иванович, чем помочь?

Он довольно улыбался. Он понимал, что все еще востребован. Вакуума не было.

* * *

Иванов начинал понимать женские уловки. Их отношения с мужчинами строятся, как правило, одинаково.

Первый этап. Увлечь мужчину.

Второй этап. Отжать от него все, что можно — деньги, работу, знания.

Третий этап. Заменить другим мужчиной, если возможности первого оказались ограничены.

А прежнего держать про запас.

* * *

Так происходило и будет происходить всегда. И победит только тот, у кого всего много. Денег, терпения, выдержки. Любые чувства женщина сможет в себе подавить, если ей это окажется выгодно.

* * *

Женщина намного рационалистичнее мужчин. Это нормально. Она должна думать не только о себе...

* * *

Лучше всех к Иванову относилась Ирочка, с которой он познакомился через службу знакомств. Она была, наверное, святой. Она приезжала к нему домой на протяжении четырех лет, проводила с ним ночь, а утром уезжала. Иванову она не говорила, где работает, когда у нее День рождения. У него не было ни одной ее фотографии. Он не знал о ней ничего.

Иногда он пропадал на полгода, на год. Звонил — и она опять приезжала. В последний раз он отсутствовал три года. Он позвонил — она приехала. И сказала:

— Я люблю только тебя.

* * *

Иванов любил жизнь. Любил родителей, жену и дочку, Ирочку, путешествия, Москву, ночные кабаки, бильярд, стихи, Олега Мусаева, Татьяну Бокову, Лю, свою квартиру, дачу, Париж, Нью-Йорк, любил вкалывать и сочинять, болтать по телефону.

* * *

Он любил всех. А, может быть, никого?

* * *

Любая женщина — тем более творческая — актриса и писательница. Писательница — потому что пишет историю своей жизни, свою биографию.

Кстати говоря, Лю не раз говорила: «Я не знаю, что бы еще придумать экстравагантного — лишь бы ты писал обо мне?!»

* * *

Женщина больше всего боится старости. Она к ней готовится. Она должна прийти к старости с багажом эмоций, чтобы потом рассказывать, как из-за нее — еще девчонки! — сорокалетние мужики сходили с ума.

Лю ждала стихов, рассказов, писем. И, конечно, она была актрисой. Иванов это очень хорошо понимал. Она могла заплакать когда нужно, могла разыграть ненависть с криком «ненавижу» — чтобы все видели и слышали.

* * *

Лю использовала любую ситуацию, чтобы насолить Иванову. Почему-то она выбрала его. Видимо, это, в самом деле, была любовь.

* * *

Лю находила любые средства, чтобы передать Иванову информацию. На работе выдали новые диктофоны. Начали их проверять.

— Лю, скажи что-нибудь! — попросил Серега.

— Человек — это сосуд страдания. Будда. — сказала Лю.

Она давала знать Иванову о том, что всем плохо и больно. И ей в том числе.

* * *

В отпуске она звонила Сереге каждый день в 17.30. на мобильный. Почему не в 18.00, когда заканчивается

рабочий день? Выходило так, что она по-прежнему пыталась задеть Иванова за живое, причинить ему боль.

* * *

Или все не так? Может быть, Иванов просто страдал манией величия?

* * *

Елена, польская леди, сказала:

— Она познает мир. Она не знает, как на него реагировать, для нее все внове. Я жалею, что ты так рано встретился ей на пути. Она приучится думать, что с ней все будут поступать гуманно. Но жизнь намного жестче. И никто с ней цацкаться особенно не станет. Она играет. Выставляет тебя в дураках. И получает от этого удовольствие. Почему ты ее не уберешь?

Иванов молчал.

* * *

Иванов хотел понять Лю.

Мир взрослых людей предстал перед ней фактически впервые. Иванов (и его отдел) давал ей необозримую площадку для экспериментов. На этой унавоженной почве могли вырасти любые цветы. В воронку их взаимодействия (противодействия) вовлекались все новые и новые персонажи. Театр абсурда продолжался. А режиссеры — их, конечно, было два! — радовались и мучались. И мучались, и радовались.

* * *

Если она была полностью равнодушна к Иванову, если не давала ему никаких шансов, почему же она до самого последнего времени порою бросала на него жаркие взоры, почему иногда тайно прижималась к нему под столом ногами, почему проявляла какие-то другие знаки внимания?

Или человек говорит только словами?

А взгляды, жесты, мимика?

Слова — дерьмо. Иванов давно в этом не сомневался. Ее слова о том, что она не дает ему никаких шансов, были, конечно, сильным ударом, но не смертельным. На сто процентов Иванов им не верил.

* * *

Иванов понимал, что Лю каждый раз давала ему еще шанс. А он — убогий урод! — никак не мог красиво им воспользоваться.

* * *

Он решил затаиться. И подождать.

Он сказал сам себе: «Пусть будет — что будет».

* * *

Он понял: Лю обожает причинять и получать боль. Боль для нее — синоним слову «секс». Общаясь с Ивановым, она имеет беспроектный вариант — либо она мучает его, либо он мучает ее. Им обоим это было нужно.

* * *

Не общаясь с Ивановым, Лю приходила в отчаяние, ходила, как бешеная, по клетке своей квартиры, курила одну за одной сигареты, подбегала к телефонному аппарату, пырвалась набрать его номер, но останавливалась. Иногда все-таки звонила Иванову, но, улышав его, бросала трубку. Она разрушала сама себя. И получала от этого кайф. Сексуальный кайф. Лю — японка по происхождению — оказалась очень русской. То есть склонной к суициду.

* * *

Все, чем они занимались, являлось, по сути, различными вариациями секса. Для нее очень важны были новые грани падения, захват новых территорий греха. Именно поэтому она в свое время притащила его заниматься

сексом в монастырский парк (святотатство), именно поэтому она просила его в постели, чтобы он изнасиловал ее, придумал для нее новые пытки, именно поэтому она завела на глазах у Иванова роман с Сергеем (кровавая форма садизма). Все это ее возбуждало. Все это отчасти возбуждало его. Они, точно герои фильма «Ночной портье», были созданы друг для друга.

* * *

Однажды Иванов, придя на работу, обнаружил, что шторы в их комнате задернуты. Так раньше делали Иванов с Лю. Сидор не был уверен, что Серега трахал Лю в офисе, но знал точно: шторы занавесила она. Чтобы причинить Иванову большую боль.

* * *

Иванов знал, что как только он перестанет реагировать на ее отношения с Сергеем, она тут же заведет роман с кем-то еще, более серьезным человеком. Она пойдет до конца. До тех пор, пока Иванов будет на нее реагировать.

* * *

Он решил терпеть. Но ему было очень тяжело. Он думал: я не святой, но веду себя чересчур допорядочно. Я не член королевской семьи, но проявляю максимум выдержки. И это — каюсь, каюсь! — греет мое самолюбие. И это тоже форма гордыни. Почему я должен ее культивировать в себе?

Он понимал: она не остановится. И дело может закончиться очень плохо и для нее, и для него. Потому что жестокость как наркомания постоянно требует новых доз. Он спрашивал себя: почему не порвать со всем этим решительно и бесповоротно? Ведь так будет лучше всем.

* * *

Он позвонил Олегу Мусаеву. Рассказал ему о своих чувствах. Олег сказал:

— Ты должен стать выше этой ситуации. Ты должен любить всех. Но другой любовью. Как святой. И тогда она успокоится. Пока ты реагируешь на нее, она не останется.

— Но если я перестану реагировать на нее, она начнет беситься еще сильнее.

— Это правда. А, может быть, побежит за тобой.

— Так уже было. И мы даже ранее обсуждали с ней эту ситуацию.

— Что же тебя не устраивает?

— Наши отношения в любом случае греховны. У нас с ней очень своеобразная любовь, которая, скорее, похожа на самоуничтожение. Причем, с обеих сторон. Я не могу понять, почему я не могу ее выгнать с работы?

— Это будет проявление слабости. Это самое простое решение. Реши все-таки проблему в самом себе. Потом станет легче.

— Ну что ж, ладно, — сказал Иванов, — я постараюсь.

* * *

— Ваш конфликт, — сказал Серега Арутюнян, — фактически религиозный. Ты любишь жизнь и людей. Она — ненавидит. Ты хочешь строить. Она — разрушать.

Иванов молчал.

* * *

Однажды Лю сказала ему:

— Ты не хозяин жизни. Поэтому я не хочу быть с тобой.

— Но хозяин жизни — Дьявол, — возразил Иванов. — А я всего лишь человек. И не хочу быть хозяином жизни. Она презрительно ухмыльнулась.

* * *

Валентина Михайловна, соседка Иванова по даче, выслушав душещипательный рассказ Сидора, сказала:

— А ведь это ты во всем виноват. Соблазнил молоденькую девочку и бросил ее.

Иванов молчал.

* * *

Как Иванов относился к Сереже? Он удивлялся ему. Его выгнали. Его приютили в другом отделе. И он повел себя так как повел. Он видел, что тот, кто его спас, мучается, ревнует. Он вел себя по-прежнему. Курил с ней, препирался с ним. Ухмылялся, когда Иванов прибежал на первый этаж за ними.

Он пришел в чужой монастырь со своим уставом. Он нарушил закон джунглей. Что с ним делать? Иванов сначала хотел набить ему морду, потом собрался вызвать его на дуэль, потом поговорить по-человечески. Но ничего этого не сделал. Он перестал ему платить дополнительный гонорар за верстку. Он стал бороться с ним самым мощным оружием — деньгами. Он оставил его нищим. На сто долларов — даже при самой большой любви — нельзя прожить с девушкой. Она все равно уйдет. Даже если будет полная гармония в сексе, даже если будет полная духовная гармония. Сто долларов — это отсутствие девушки. И детей. И будущего. Увеличивать Сереге зарплату Иванов не собирался. Серега и не просил. Он вообще ничего не просил. А выполнял только то, что ему поручали. Никакой инициативы никогда не проявлял. Он и в этой ситуации оказался полностью пассивным. Никакой его заслуги в том, что Лю оказалась с ним, не было. Иванов это знал. Но вместе с тем знал, что Серега для Лю — хороший вариант. Потому что Лю была мужчиной (но в женском обличье), а Серега оказался бабой (но в мужском обличье). Как два оборотня они нашли друг друга.

* * *

— Но если она делает мне больно, значит она по-прежнему ко мне равнодушна? — спрашивал Иванов Елену, польскую леди.

— Может быть, и нет. Не исключено, что она просто получает кайф от жестокости. Все дети жестоки. И притом ей нужны деньги. Работу за такие деньги она больше не найдет нигде.

— Тогда зачем она ведет себя вызывающе? Ведь так я ее точно выгоню.

— Она уверена, что ты будешь любить ее вечно. Она забывает, что «любовь — это птица из райского сада и к ней относиться заботливо надо». Иначе она улетит.

* * *

Он стоял перед дилеммой — то ли жить спокойно, нормально работать, найти другую подругу и т.д. Либо мучаться, но постигать новые грани человеческой души, новые грани женской жестокости, подлости, идиотизма взаимоотношений полов?

* * *

Она мыслила инстинктами. И признавала только силу. Когда он орал на нее, она пугалась, угодливо — как секретарша — набирала ему номер телефона, который он называл, испуганно, а, следовательно, влюблено смотрела на него.

* * *

Она изумляла его, удивляла. Порой он просто ненавидел ее. Но ведь с другими он вообще не мог жить. А с ней страстный союз длился несколько месяцев. Да и сейчас они все-таки были рядом. Все произошло, как в семье. Любовь, страсти. Совместный быт. Разочарование. Ненависть. Равнодушие. Печаль. Совместная жилплощадь. Супругам некуда уйти. Они вынуждены жить под одной крышей. Он содержит ее. Только в данном случае вместо совместной жилплощади была совместная работа. И к тому же она привела на эту площадь другого мужика. В этом заключались ее особые цинизм и жестокость.

* * *

Но он любил ее разной — в том числе и жестокой. Когда она ходила босиком по его спальне, он видел, что и ноги она ставит как ребенок, и пузико у нее совсем несовершенно, и мордашка абсолютно детская. Она становилась другой на работе — собранная, в строгом черном костюме — роковая. И такая она ему нравилась больше, чем слабенькая, хрупенькая девочка.

* * *

Друзья говорили ему:

— Она не стоит тебя. Она хочет только твоей смерти. Такие союзы иногда кончаются фатально. Просто так она тебя никогда не отпустит. Ты ей нужен даже больше, чем она тебе. Может быть, ею даже кто-то руководит. Не исключено, что она спала с твоим начальником. С этим легко разобраться.

— Она просто мерзавка, бессовестная девка. Ее уличили в том, что она всех настраивает против тебя, а ей — пофигу.

— Она никогда не изменится. Маленькая собачка до старости щенок.

— То, что она требовала от тебя дом, это чудовищно. Ребенок, дескать, должен жить на природе. Ребенку не нужен дом. Ему нужна кровать и питание. Все. И не надо с жиру беситься.

— Ваш конфликт — это мини-конфликт Моцарта и Сальери. Конечно, она тебе завидует. Поэтому и говорит, что ты неталантливый.

* * *

Чтобы как-то выжить, он стал записывать все свои мысли и эмоции. Так он лечился. Он выговаривался. И она — Лю — точно тяжелейшая болезнь — выходила из него.

* * *

Как появляется жемчуг? Ракушка болеет. Освобождается от болезни. И как результат — драгоценный камень. От небольших ракушек ждть жемчуга не приходится.

* * *

Из Иванова болезнь выходила не жемчугом, скорее литературным дерьмом. Но он все равно был счастлив. Это, наверное, высшее счастье — когда заканчивается любовная ломка.

* * *

Каждый день он решал один-единственный вопрос: оставлять ее на работе или нет? Ему было очень непросто. Постоянно возникали следующие ситуации. Она — вечно на больничном! — звонила, говорила с кем-нибудь из со-трудников отдела. Потом Иванову передавали:

— Сидор Иваныч, Лю звонила, голосок бодрый.

— Ага, — думал Иванов, — значит, у нее все в порядке. Она не скучает. И т.д.

Это становилось похоже на сумасшествие.

* * *

Каждый раз он репетировал их последний разговор. Он хотел избавиться от нее окончательно.

— Я благодарен тебе за все. Столько эмоций мне не давала ни одна женщина. Но оставь, ради Бога, меня в покое!

* * *

Нет, лучше по-другому.

— Я благодарен Вам за все. Столько эмоций мне не давала ни одна женщина. Однако я говорил Вам, что больше ни о чем Вас предупреждать не буду. Вы по-прежнему мне вредите. Это Вы упростили Серегу остаться на работе,

сказав ему, что без него Вам будет здесь невмоготу. Вы влезаете в мои дела. Поэтому давайте расставаться. Но сначала отгуляйте отпуск. Я даю Вам время найти другую работу. Это последнее, что я могу для Вас сделать хорошего.

* * *

А, может быть, произнести такой монолог?

— Обстановка в коллективе сейчас очень хорошая. Как никогда. Постарайтесь сделать так, чтобы я не почувствовал, что она изменилась. Постарайтесь войти в коллектив. Найти свое место, свою нишу.

* * *

И вдруг он, кажется, окончательно обезумев, понял: она любит его очень сильно. Она отпустила его. И сказала ему, что не дает ему никакой надежды. Значит, теперь она будет мучить кого-то другого, а не его. Она оставляла его в живых. Он опять восхищался ею. И был ей за все благодарен.

* * *

Иванов говорил сам себе: «Женщина может болтать что угодно о любви и ненависти. Верить ей не надо. Она остается с тем, кто ее содержит».

* * *

Серегу Иванов иногда все-таки хотел уволить.

Когда Серега отказался верстать журнал, они вышли в коридор, и у них состоялся такой диалог.

— Чего ты добиваешься? — спросил Иванов.

— Чтобы эксплуатация труда была сообразна зарплате. Мы договаривались, что я буду делать только сайт и газету. А Вы меня заставляете заниматься всем подряд. К тому же, если я на полставки, то должен работать четыре

часа, а не шесть, как Вы меня принуждаете. И вообще, Вы меня завлекли своими посулами, а сами... Я бы, если к Вам не пошел, получал бы вдвое больше. И ничего бы не делал. Мне биржа, как уволенному по сокращению штатов, платила бы. А я лопухнулся...

Иванов не стал спорить. Он пробил Сереге солидную надбавку. Он получал ровно полную ставку. От работы над сайтом Иванов его освободил. Поэтому его обвинения были несправедливы. Но они были. Это Иванова порадовало больше всего. Серега выглядел раздосадованным. Он считал, что Иванов его обидел. Следовательно, он не спал с Лю. Или уже не спал. Иначе — он не чувствовал бы себя обиженным. Серега проиграл. Это стало очевидно.

— Я не нуждаюсь в твоих услугах, — сказал Иванов.

У Сереги вытянулась челюсть.

— Я не нуждаюсь в твоих услугах. И это решение окончательное, — подтвердил Иванов.

— А я в Ваших, — нашелся Серега.

— Ты можешь качать, сколько угодно, права, но вопрос решен.

— Да не буду я качать права. Успокойтесь. Сразу после праздников я уйду в отпуск. С последующим увольнением.

— Согласен, — сказал Иванов.

Он был очень доволен. Он увольнял его не из-за Лю. А по производственной причине. Никаких других эмоций к нему он уже не испытывал.

* * *

Иванов понимал: это увольнение спровоцировала Лю.

* * *

Иванов и Лю курили в коридоре.

* * *

— Что тебе во мне не нравится? — спросил он ее.

— Я не знаю, — ответила она. — Но если мелочи раздражают, это уже не любовь. А в целом у меня какое-то внутреннее сопротивление против тебя.

Иванов не понимал: как это так — два месяца полной гармонии, а потом какие-то мелочи. Если они есть, их нужно устранять.

* * *

Самым большим удовольствием для Лю было унижать и унижаться. Мужчин она выбирала сама. Она унижала Головкера, показав ему, что как бы он ни был крут, он не сможет затащить ее в постель. Она унижала Игоря, которого уговорила жить вместе с ней и ее мамой. Что может быть отвратительнее для человека, выросшего в Грузии и у которого в жилах течет азербайджанская кровь, чем жить примаком у тещи?! Она кокетничала с безобразным — внешне! — Серегой, не уважая и не любя его. Она кокетничала со слабым Юркой, который не мог на нее «надышаться». Она попыталась растоптать Иванова, который был старше ее на пятнадцать лет. Это поначалу разговоров о возрасте не заходило. Они — сто процентов! — начались бы в будущем. Иванов стал бы старым, ненавистным мужем, которому постоянно наставляют рога молодые и пылкие любовники. Вот что могло бы быть. Но Иванова Лю все-таки любила. Ведь она его отпустила.

* * *

Иванов очень хорошо знал, что такое детская жестокость. Однажды он поссорился с матерью. И живя с ней в одной квартире, год с ней не разговаривал. Мучил ее, свою мать. Лю вела себя так же. Видимо, она считала, что Иванов ее любит по-отечески. Увы, это оказалось не так.

* * *

Роман заканчивался. Иванов понял, что такая жена ему не нужна. И такая сотрудница ему не нужна. А

любовниц на работе все-таки лучше не держать. Это очень опасно. Он знал, что так или иначе освободится от нее.

* * *

Иванов любил менять места жительства. Три года он прожил в центре Москвы, потом переехал в Кузьминки, одно время обитал на даче, которую в общем-то терпеть не мог.

Свою квартиру в Кузьминках он купил довольно случайно. Он планировал приобрести двухкомнатную в центре, уже присмотрел два варианта, вел активный торг с хозяевами, которые не хотели уступать ни доллара.

В итоге Иванов уже решил остановить свой выбор на одной квартире в районе «Беговой». Повез отдавать задаток, по дороге купил по традиции «Из рук в руки» и обнаружил еще один вариант — в Кузьминках. Он созвонился с хозяевами, посоветовался с отцом, посмотрел квартиру. И на следующий день ее купил.

Искал одно — нашел другое.

* * *

Так часто бывает и в отношениях с женщинами.
Ищешь одну — находишь другую.

* * *

Иванов использовал в жизни все шансы. И не терял времени. Он делал то, что считал нужным. И не шел против воли Свыше. Три с половиной месяца он, имея с Лю контакты, не предохранялся. Он хотел детей. Именно от нее. Но Господь не давал. Не дал. Значит, это не было нужно.

* * *

Иванов смотрел в окно своей квартиры.

Сучка, истекающая похотливым соком, бежала по улице. За ней трусила свора самых разнообразных дворовых собак. К ним хотели присоединиться и некоторые

породистые кобели, но хозяева (хозяйки) их властно одергивали.

Сучке нравилось, что она нравится. А кто победит, тот и победит. Других мыслей у нее в голове не было.

* * *

Лю хотела нравиться всем. И в общем-то не скрывала этого. За это она могла заплатить любую цену. Ту, которой было достаточно. Одному ей хватало улыбнуться, другого погладить по руке, со вторым вместе покурить, третьего надо было поселить у себя дома, четвертого — развратно улаживать.

* * *

Она хотела быть боготворима. Ей была необходима абсолютная власть.

* * *

Иванов не исключал, что Головкер спал с нею.

* * *

Она считала, что она самая-самая-самая. Так считают практически все женщины. И в чем-то они правы. Каждая из них самая-самая-самая для какого-то одного мужчины. Но далеко не для всех. В этом женщины, увы, ошибаются. Как ошибаются все люди, которые не прошли в детстве суровой конкурентной борьбы — в спорте, музыке, в пионерском или спортивном лагерях.

* * *

Лю никогда не занималась спортом, не ходила в спортивные секции. А лето проводила исключительно на даче.

* * *

Тот опыт, который Лю приобрела на работе в двадцать один год, Иванов получил в десять лет в футбольной и хоккейной командах.

* * *

Иванов уже в десять лет понял, как все относительно в этом мире.

* * *

Молодость — самый ненадежный капитал.

* * *

У нее были детские, беззащитные руки.

* * *

Когда Лю кричала, что не хочет давать Иванову ни малейшего шанса, это была ложь. Это стало очевидно после того, как она осталась на службе. Иванов тоже не списывался со счета, как не списывался со счета никто — ни Игорь, ни Серега, ни Леша из Думы...

* * *

Точно так же ее мама не желала расставаться со старыми вещами. И ничего не выбрасывала из квартиры.

* * *

Плюшкины — в нас самих! — бессмертны.

* * *

Иванов давно не верил словам — верил исключительно фактам.

* * *

Что получила Лю? Трудовую книжку, свободный график, возможность нормально окончить институт, полную свободу на работе — право общаться с тем, с кем считает нужным, весьма приличную — даже для взрослых опытных женщин! — зарплату.

Она интуитивно понимала, что не будь у нее особых (не обязательно сексуальных) отношений с

руководством, всего этого ей не видать бы как собственных ушей. Это ее и мучило.

* * *

Поэтому, когда Иванов однажды сказал Лю, что вакуума у него нет, что он абсолютно счастлив, у нее от горя вытянулось лицо.

Она поняла, что просто так остаться на работе не получится.

* * *

Он не держал на нее зла. Он понимал ее. Хохотал над ней, умиляясь ее детским выкрутасам. Она была абсолютно прогнозируема. Это его тоже забавляло.

* * *

При этом он очень хорошо к ней относился. Адекватно. Не идеализировал ее. Но видел ее и сильные, и слабые стороны.

* * *

Он хорошо осознавал, что она в большей степени зависима от него, чем он от нее.

* * *

Он понимал: она отказалась от него не потому что он ее любил *слишком*, а потому что — *недостаточно*. У него были: жена, дочка, творчество. А ей хотелось абсолютной власти над ним. Любой ценой.

Она говорила: «Ты самый лучший. Но не для меня». Это была ревность. Прежде всего, ревность.

* * *

Иванов встретился с Мусаевым. Разговорились.

— Ты знаешь, я точно знаю, что круг общения на протяжении всей жизни — 10 — 15 человек, — сказал Иванов. — Они то появляются, то исчезают, но они рядом.

Лю всегда была в моей жизни. Я был уже чемпионом Москвы по хоккею, пятнадцатилетним здоровенным подростком, ездил на тренировки через станцию Выхино, а она только родилась и жила недалеко от Выхина, в Краскове.

Ты, мой лучший друг, — ее сосед по даче.

Моя подруга Диана, устроившая меня на работу в фирму «Головкер и братья», познакомилась со своим будущим мужем у меня дома, на Никитской улице, где я раньше жил.

Недалеко от Никитской находится Университет, где учится Лю. Недавно в этом ВУЗе снял офис муж Дианы. В доме Дианы гадалка (которая живет на Никитской) точно сказала мне, что Лю уходит из моей жизни.

Все происходит на одном квадратном пятачке, с небольшой горсткой людей.

— А, может быть, ты все-таки преувеличиваешь, демонизируешь ситуацию?

— Может быть. А, может быть, наоборот, преуменьшаю роль мистики. Степень отчуждения, вражды равна степени сближения в прошлом. Мы с Лю очень сильно любили друг друга и так же сильно ненавидели. Эта любовь (а затем ненависть) могли вызвать, не смейся, тектонические, о, бабочка Бредбери, изменения в мире. Ее ревность и ненависть приводили к тому, что мою маму увозили в больницу, дочка едва не утонула в речке. Все это происходило во время наших самых сильных конфликтов.

Не сумев погубить меня, Лю хотела (точнее, те мрачные, потусторонние силы, которые за ней стоят) погубить самых близких мне людей, самых незащищенных. Бог спас.

Вывод простой: сильно ни с кем сближаться нельзя. Сблизился — поругался. И получай страшные конфликты, опасные и для себя, и для близких, и для всех остальных.

* * *

Иванов выпивал во дворе с друзьями детства. Разговорились. Его лучший друг Игорек, выслушав его историю, сказал:

— Даже не знаю, что тебе посоветовать? Я никогда подобных чувств не испытывал.

* * *

Другой дворовый друг, Олег, поделился соображением, что женщин нужно держать на расстоянии.

— Необходимо, чтобы они были зависимы. Иначе они распоясываются.

* * *

Игорек добавил:

— Я со своей Маринкой никогда в ЗАГС не пойду. И прописаны мы на моей жилплощади только с сыном. Как только я ее пропишу, у меня против нее не останется никаких козырей. Это смерти подобно. Я же «подаю». Она при случае меня сразу выпишет.

У меня с Маринкой ровные отношения. Уважительные. Но ближе я ее не подпускаю.

* * *

Другой мужик — шофер из больницы Витек — сказал:

— Все бабы — ведьмы. И лучше с ними дел вообще не иметь. У нас на работе девяносто пять процентов женщин живут одни. Ни с кем не уживаются.

* * *

Иванов знал: многие женщины, с которыми он имел интимные отношения, потому и относились к нему настороженно и порою даже враждебно, что он им полностью никогда не принадлежал. Он сам мог их заколдовать и делать с ними что захочет.

Он под их дудку не плясал. И особенно на них не трагился.

* * *

В конце концов, даже на Лю он потратил минимум своих денег.

* * *

Иванов пришел на встречу выпускников школы. Увидел друзей, которых не видел двадцать лет, классную руководительницу. Она была к нему очень нежна:

— Сидор, а ведь тебя все любили. И у меня ты был любимым ученик. Мы следим за тобой по публикациям в прессе. Читаем твои статьи, стихи. Молодец! Я рада, что ты добился всего, чего хотел.

Соученицы тоже разговаривали с Ивановым тепло.

* * *

Он шел домой и думал: школьные подруги меня любят, дворовые ребята уважают. На работе ценят. Литераторы признают. Только в одном месте меня не ставят ни в грош. Странно. А, может быть, это место неправильное?

* * *

Дома он открыл свой последний сборник стихов. И вдруг с ужасом обнаружил, что его стихи беспомощны и неглубоки. Во всяком случае, по сравнению с теми, которые он посвятил ей.

До него дошло: она была необходима ему. Он стал немножечко лучше писать. А смысл его жизни заключался именно в литературе.

Он понял, что обязан быть благодарным Лю.

* * *

Через два дня они в очередной раз поссорились. Она опять курила с Серегой, опять с ним кокетничала.

Иванов был в ярости. Отчитывал ее за плохую работу над сайтом.

* * *

Вечером она позвонила:

— Почему ты так со мной обращаешься?

— Ты все равно ничего не поймешь. Наши отношения закончены.

— Почему?

— Я не хочу больше попадать в бездну.

— Ты попал только в маленькую ямку. Испугался. И не хочешь из нее выкарабкиваться.

— Может быть.

— Но что же все-таки произошло?

— Много вещей.

— Перечисли.

— Я ничего не буду перечислять. Я написал о тебе книгу. Мне все стало ясно. Ты мне понятна.

Она бросила трубку.

* * *

На следующий день они беседовали по делу в кабинете. Иванов прижался к ней — под столом — невидимо для остальных — ногой — и она не противилась этому.

* * *

Вечером она все-таки ушла с Серегой. Иванов мрачно посмотрел им вслед. Она вернулась, улыбнулась Иванову. Он улыбнулся ей в ответ. Она, как ребенок, просияла.

Иванов понял, что мир может быть восстановлен.

* * *

На следующий день она, как всегда, опоздала.

Иванов сказал:

— В Америке за это следует увольнение.

— Я готова написать заявление хоть сейчас, — тут же ответила она.

Он опять напрягся. Он понял ее мысли. Она тоже хотела примирения. Но этот процесс пошел не по ее сценарию. А чужой сценарий ее — горячку! — устроить не мог. И она опять пошла на конфронтацию.

* * *

Они попытались в очередной раз поговорить. Она опять решительно заявила о том, что хочет уволиться. Он опять уговаривал ее остаться. Она отпросилась и пошла домой. Он поплелся ее проводить. В метро он сказал:

— Я хочу тебя обнять. Просто по-дружески.

Обнял ее. Она закричала:

— Ненавижу!

* * *

На следующий день она не извинилась.

* * *

Они опять выясняли отношения.

— Ты вчера сказала, что ненавидишь меня. Такого мне никто никогда не говорил.

— Я тебя не ненавижу. Просто вырвалось. Ты сам виноват. Вел себя как дурак.

— Мне сейчас — вообще — очень плохо.

— Мне тоже. Я практически не сплю. Нервничаю. Но это не из-за тебя.

— У тебя кто-то есть?

— Тебе от этого будет легче?

— Нет. И все-таки.

— У меня никого нет. Но я поняла: я люблю только Игоря.

— Так возвращайся к нему.

— Я пытаюсь его вернуть. Но он сам не хочет. У меня теперь к нему такое же отношение, как у тебя ко мне. Я хочу, а он нет. И, наверное, это глупо, что мы остались

с Игорем друзьями. Это надо было рвать. Иначе очень больно. В данном случае — мне.

— А я все равно к тебе отношусь с любовью. Я считаю, что мы ближайшие родственники. Тем более, что два месяца у нас вообще все шло прекрасно.

— Да, энергетика была.

— Любовь — это тайна. В ней участвуют не только мужчина и женщина, но и какая-то высшая сила.

— Да, это мистика.

— По-моему, любовь как приходит непостижимым способом, так и уходит. И наоборот.

— Да, согласна.

— Знаешь, ты все-таки не уходи с работы. Оставайся. А жизнь сама все рассудит.

— Но ведь мне будут звонить другие мужики, будут приезжать за мной на машине.

— Пускай.

* * *

Через неделю она продолжила распускать сплетни, что Иванов ее преследует, домогается. Сидор, узнав об этом, решил с ней встретиться и окончательно объясниться.

* * *

И вот они в кафе. Возле станции метро «Бауманская». Иванов специально предложил там встретиться, потому что затем он должен был идти — это неподалеку — на литературный вечер поэта Очередного.

Уселись на открытой террасе. Она отказалась от пива. Нервно закурила. Иванов заказал себе кружку «Балтики».

— Ну, в чем дело? — грубовато спросила она.

— Подожди, не гони лошадей.

Потом Иванов начал свой монолог. Лю услышала слова о том, что она долгое время стремилась причинять ему боль, а теперь перешла в категорию людей, которые

стремятся причинить ему, Иванову, вред.

— Все твои приемы, все особенности твоего характера, все твои уловки я знаю очень хорошо. Я вообще знаю тебя лучше всех.

— Да, это правда.

— Пойми: устраиваемые тобой — для *меня* — при помощи Сереги — садистские шоу говорят о том, что именно у тебя еще не прошла душевная травма. Но это твой вопрос. Ты можешь делать все, что хочешь. Поверь: сейчас я абсолютно счастлив.

Она грустно и нервно наморщила лоб.

Иванов продолжил:

— Да, удар ты мне нанесла сильный. Таких ударов я ранее не получал. Я оказался в нокдауне. Однако нокдаун — это еще не нокаут. Я выстоял. И теперь счастлив.

Она совсем поникла.

(И тут, точно рояль из кустов, в кафе появилась новая знакомая Иванова, Лиза. Они планировали встретиться на литературном вечере, но не договаривались, что встретятся в кафе.) Радостный Иванов кинулся к ней. Поцеловал. Предложил посидеть с ними. Она отказалась.

— Я жду тебя на вечере, — сказала она. И упорхнула.

* * *

Иванов перешел к главному:

— Я коленопреклоненно просил тебя остаться. Теперь я коленопреклоненно прошу тебя не познавать все стороны моей души, не вредить мне. Не надо распространять про меня ложь! Зачем тебе это? Ты зашла, как сталкер, в запретную зону. Зашла очень далеко. Но дальше идти не стоит. Вспомни, за что исключили человека из рая. За познание. Давай мы это познание ограничим. Давай существовать дружно! О всех твоих нехороших делах я

все равно узнаю. Вот, собственно, и все, что я хотел тебе сообщить.

Она сидела и молчала.

— Хочешь что-нибудь сказать? — спросил Иванов.

— Нет. Спасибо. Спасибо за информацию. Спасибо за предупреждение.

Ни тени раскаяния на ее лице он не увидел. Но увидел иное лицо — тонкие, поджатые губы, ротовую горькую складку, каменный взгляд.

Напоследок он подарил ей новую кассету О'Шеннона. Она выдохнула свое традиционное «вау». И они пошли в разные стороны.

* * *

У нее начался отпуск.

* * *

Она стала ему не нужна. Когда она выходила на работу, производительность труда в отделе снижалась, частота и протяженность перекуров увеличивались, моральный климат в коллективе катастрофически портился.

* * *

Любил — как мечту и музу! — он уже другую — ту, которой восхищался и которая ему помогала.

* * *

Он знал, что даже если Лю согласится быть с ним, он уже сам этого не захочет. Но почему-то он ее не уволял, а она все — дурашка! — продолжала строить ему козни. Не подозревая, что никакой власти над ним у нее больше нет.

* * *

Отныне он терпел Лю исключительно из жалости. Она этого не понимала. И — слава Богу!

А потом он узнал, что она никакая не японка, а бурятка. И настоящее имя девушки не Лю (такого имени, кажется, вообще нет в Японии), а Цырен-Ханда Бадмажаповна Улюкаева. Об этом ему случайно сообщил начальник отдела кадров.

17.11.2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕРТВА ПАЛИНДРОМА (Почти дневник).....	3
ЛЮ (Повесть).....	49

Евгений Викторович Степанов
«Лю», повести

Редактор — Н.С. Сироткин
Верстка — А.А. Глазов, А.А. Денисов,
Е.Б. Баранов, Т.А. Иванова
Дизайн обложки — Е.Б. Баранов
Корректоры — А.А. Денисов, Е.А. Реутов

Бумага офсетная
Печать офсетная
Гарнитура PetersburgС
Тираж 1000 экз.
Сдано в набор 25.05.2005 г.
Подписано в печать 25.02.2006 г.

Издательство «Вест-Консалтинг»,
109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок,
д. 2, стр. 3, оф. 333
тел. (495) 743-79-25, тел./факс (495) 203-06-41.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.

РЕКЛАМА

Издательская компания и типография Евгения Степанова
«Вест-Консалтинг»
предлагает следующие услуги:

- создание и сопровождение Web-сайтов;
- выпуск книг, газет, журналов, буклетов, карманных календарей тиражом от 1 экземпляра;
- восстановление раритетных книг и фотографий;
- изготовление визиток;
- сканирование на профессиональном оборудовании;
- офсетная печать;
- тиражирование на ризографе;
- термопереплет;
- тиснение золотом;
- консалтинг;
- PR;
- проведение выставок, презентаций, пресс-конференций, семинаров.

В нашей фирме трудятся профессиональные кадры
Москвы.

Мы выполняем работы на собственном полиграфическом
оборудовании!

Наши цены ниже, чем у конкурентов.

Наши координаты:

Тел.: 203-06-41

факс: 203-06-89

<http://www.west-consulting.com.ru>

E-mail: info@west-consulting.com.ru

РЕКЛАМА

«**Футурум АРТ**» — единственный в России авангардный литературный журнал.

Создан в 2000 году. В журнале печатаются такие авторы, как Анна Альчук, Сергей Бирюков, Александр Бубнов, Татьяна Грауз, Николай Грицанчук, Феликс Филипп Ингольд (Швейцария), Рафаэль Левчин, Ры Никонова, Вилли Мельников, Юрий Милорава, Арсен Мирзаев, Константин Кедров, Елена Кацюба, Юрий Орлицкий, Юрий Проскуряков, Сергей Сигей, Вальтер Тюмлер (Германия), Александр Федулов, Элана и многие-многие другие.

Журнал опубликовал неизданные стихотворения Алексея Кручёных, Тихона Чурилина и других классиков авангарда.

Периодичность — 4 номера в год.

Основатель и главный редактор — Евгений Степанов.

Журнал можно приобрести в Москве в следующих магазинах:

1. Фаланстер (Б. Козихинский переулок, д. 10).
2. Лавка Литературного института (Тверской бульвар, д. 25).
3. ОГИ (Потаповский переулок, д. 8).

В Санкт-Петербурге:

1. Дом книги (Невский проспект, д. 62).
2. Галерея «Борей» (Литейный проспект, д. 58).

РЕКЛАМА

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году и посвящен современному литературно-художественному процессу. В первую очередь редакция представляет художников (в широком смысле слова), живущих вне столиц России, а также за пределами страны.

Журнал издают Элла Бурдавицына и Евгений Степанов.

Периодичность — 12 номеров в год.

Каждый номер посвящен одному городу (региону) или стране.

Вышли номера, посвященные Саратову, Санкт-Петербургу, Нью-Йорку, Германии, Владивостоку, Удмуртии, Новосибирску, Самаре, Калуге, Ирландии, Финляндии, Тамбову, Обнинску и другим городам и странам.

РЕКЛАМА

Журнал визуальной поэзии «Другие» — новый проект издателя-главного редактора Евгения Степанова.

Шеф-редактор — Юрий Проскуряков.

В 2005 году вышел один номер, где были напечатаны работы Наталии Азаровой, Бориса Гринберга, Алексея Даена, Елены Кацюба, Константина Кедрова, Эдуарда Кулемина, Рафаеля Левчина, Сергей Сигея, Джованни и Ренаты Страда, Александра Федулова, Эланы и многих других признанных мастеров жанра.

В 2006 году будет выпущено 2 номера журнала.